

Вячеслав Денисов

Важняк

УБИЙСТВО
С ОТЯГЧАЮЩИМИ

Важняк

Вячеслав Денисов

Убийство с отягчающими

«ЭКСМО»

Денисов В. Ю.

Убийство с отягчающими / В. Ю. Денисов — «Эксмо»,
— (Важняк)

Убит заместитель начальника московской милиции Крыльников. За расследование взялся следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Кряжин. Вскоре выяснилось, что Крыльников вел в последнее время непростое дело – о крупном мошенничестве в российском спортивном клубе «Олимп». Открылись и другие интересные подробности: Крыльников незадолго до смерти сорвал огромный куш в казино на сумму аж в четыре миллиона долларов! В этом казино как раз и отмывались мошеннические деньги. Странное совпадение! Возможно, Крыльников – «оборотень в погонах» и его убрали конкуренты? Это дело, как сжатая пружина, распрямившись, многих разбросает в стороны. И принесет еще немало сюрпризов...

© Денисов В. Ю.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава первая	11
Глава вторая	17
Глава третья	30
Глава четвертая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вячеслав Денисов

Убийство с отягчающими

Персонажи и события в романе вымышлены. Совпадения с реально существующими лицами случайны.

Пролог

Рулетка крутилась, шарик строчил по ее поверхности белой пулей, и звук этот, вселяющий надежду в души одних и ужас в сердца других, казался чем-то мистическим, нереальным. Черное, красное, чет, нечет... Попадание в любую лунку гарантирует кому-то хорошее настроение, кому-то – будущее, кому-то – крах.

Щелк! – шарик врезался в преграду и поскакал по диску.

Этот маленький снаряд, пущенный рукой крупье, всякий раз бежит по полю и ведет себя так, словно сам не знает, какая ниша из имеющихся приглянется ему в последний момент.

Щелк! Щелк! – уже скоро...

Цокот, возвещающий о том, что развязка близка.

Красное?! Нет, мимо. Тогда черное, что ли? Опять мимо... Семнадцать красное? Черта с два, ему эта квартирка нынче не по душе. Зеро? Нет... Двадцать два черное?

Двадцать три красное...

– Двадцать пять – красное! – объявляет крупье, подводя итог странствования безмозглого шарика по игровому полю.

Вперед, господа. Налево – те, кто нынче при фарте, – там касса, направо – туалет. Заряженные одним патроном револьверы лежат на столике в туалете. Шутка, конечно, никаких револьверов нет. В противном случае у ворот всех казино города дежурили бы «труповозки» районов, а население столицы через полгода сократилось бы на треть. Но те, кому пора направо, чувствуют необходимость найти пистолет где угодно. Не все, конечно. Вот этому, с красными глазами и повисшим на шее узлом галстука, – на выход, на выход... Его уже ждет охрана, чтобы проводить. Проигравшему все, что было, и еще столько же, что теперь придется искать, дабы отдать долг, ему здесь более делать нечего.

А вот дамочку, поставившую пятьсот долларов на зеро, эта неудача не обескуражила. Проигрыш ее даже не разочаровал, не расстроил. Уезжая на деловую встречу по вопросам бизнеса на снимаемую им квартиру к любовнице, делец оставил жене три тысячи долларов и пожелал ни пуха ни пера. Завтра даст еще. И вчера давал. Тот случай, когда не везет ни в карты, ни в любви.

А этот, направившийся менять фишки на наличные, до кассы дойдет не скоро. Казино щиплет клиентов по всем правилам лохотронного искусства. Много ума для этого не нужно, достаточно знать психологию человека, заглянувшего в игровой дом. Едва переступив его порог, он тут же попадает в поле зрения специально подготовленных деятелей от игрового бизнеса – от фэйс-контроля до психологов. Если человек, проиграв сто долларов или, наоборот, выиграв, уходит, останавливать его и подвергать дальнейшей обработке не имеет смысла. Такие приходят для того, чтобы выиграть ровно сотню или ровно сотню проиграть. Но если игрок, сделав несколько ставок, начинает искать в карманах обоснование для последующих, он моментально становится «сладким» для психологов казино.

Казино – это единый организм, работающий в одном режиме, где все ходы отточены до совершенства. Тот, кто думает, что столы и остальное в зале расставлял сам хозяин, тот наивный человек. Этим занимались, конечно, рабочие строительной фирмы, оформляющей инте-

рьер. Но командовал ими опять-таки не владелец этого заведения – распоряжались профессионалы высокого класса, хорошо разбирающиеся в структуре человеческой души.

Рулеточные столы стоят на самом большом удалении от кассы и, чтобы пройти за выигрышем, нужно преодолеть массу преград и выдержать все испытания, встречающиеся на пути.

Выиграв пятнадцать тысяч долларов, обезумевший обладатель полных карманов фишек заплетающейся походкой направляется к заветному окошечку, с каждым шагом чувствуя, как крепнет его вера в счастливое будущее. Он и не думал сюда заходить, в казино! Он поругался с женой из-за разбитой днем машины и направлялся вовсе не в казино! Он шел в ночной кабачок, чтобы выпить без закуски, зацепить двадцатидолларовую шлюху и вдоволь отыгаться на ней за то, чего он теперь лишен на ближайшее время. Но первым на пути повстречался вход с бегающими огоньками, приглашающий заглянуть, поставить и выиграть. В затертом кошельке была пара тысяч рублей, оставшихся после выплаты компенсации владельцу разбитой машины, и он зашел.

Поставил на черное, проиграл. Поставил на красное, проиграл. А потом вдруг взмахнул последней «пятихаткой» и попросил крупье поставить его фишки на «очко». И выиграл. А потом еще раз. И еще два раза. А когда вокруг собралась толпа, как в фильмах про везунчиков, крупье задвинул горку его разномастных фишек на все то же «очко», и, когда шарик оказался именно там, мужик едва не лишился ног. Они куда-то ушли, оставив туловище над столом на обозрение аплодирующим зрителям. Снова ощутив под собой твердь, он направился к кассе, запоздало подумав о том, что останавливаться нужно вовремя.

И в этот момент попал. В смысле – абсолютно.

Начиная с его четвертой ставки, где он ставил на «десять – черное» и сорвал тысячу долларов, на него наехали и взяли крупным планом сразу несколько камер. За его движениями и мимикой, роясь в психологическом нутре неугомонного игрока-счастливчика, стали следить несколько спецов из области психиатрии.

И к тому моменту, когда он повалил с полным подносом фишек за обналичиванием, в окошечке кассы уже стоял стеклянный треугольник с информацией: «Инкассация».

– Вы извините, ради бога! – сказала ему девушка в оконце, по лицу которой нетрудно было догадаться, что она в муках от того, что не может выдать клиенту пятнадцать тонн «зеленых». – Минут через двадцать ребята уедут (она показала на «ребят», которых прямо-таки тошнило при виде денег и на рукавах их значилось: «Росинкасс»), и я вас обслужу. Вы пройдите пока к бару.

Действительно, не стоять же на обширном пустом пространстве перед окном с подносом в руках, как дураку.

И клиент, уже представляя, как привезет домой телевизор с плазменным экраном, шубу жене, продаст свой старый «Фольксваген» и купит новый, садится на высокий стул в ожидании, пока отвалят из кассы двое с мешками.

– Выпьете? – спрашивает выросшая как из-под земли ну очень красивая барменша.

А почему бы нет? Главное, не напиваться, теперь нет смысла. Теперь смысл – доехать до какой-нибудь гостиницы, чтобы наутро прийти домой новым человеком. Рюмку финской водки, чтобы чуть «приморозиться» и унять счастливую дрожь.

– У нас недавно Марлон Брандо был.

– Он же умер?

– В прошлом году был, – протирая и без того стерильный стакан и прислушиваясь к речи профи в наушнике, бросила девушка. – Проиграл двадцать пять тысяч долларов, потом выпил три порции «Камю», вернулся и выиграл восемьдесят. Вы тоже в ударе, но что-то я не помню, чтобы вы у меня «Камю» заказывали.

Бросив на стойку фишку, которая вполне сошла бы в качестве оплаты за три рюмки, клиент исправляет мнение о себе как о скупце. Не успевает он опрокинуть содержимое внутрь своего окрыленного организма, как чувствует перед своим лицом пьянящий аромат шампуня.

– Вы пьете так, что хочется выпить с вами, – шелестят напомаженные аппетитной помадой губы. – А ведь я здесь работаю три года, и это означает, что ни разу не выпила с клиентом. Я выпью за вас после смены.

Вот именно после этой фразы о трех годах воздержания клиенту и следовало задуматься о будущем, поскольку редкий работник задержится здесь на своем месте более шести месяцев. Только преданный игровому делу патриот, понимающий свое предназначение в этой жизни лишь во благо заведению.

Но растроганный клиент, внутри которого мгновенно растеклась истома, оставляет на стойке фишку на бутылку «Камю». Не за свои же девчушка будет выпивку покупать, в самом-то деле!

Время течет медленно, инкассаторы работают еще медленнее, и к клиенту наконец-то начинает приходить понимание того, что он богат. А потому, если он махнет еще пару, как их называет милая барменша, «порций», с его капиталом ничего не случится. И, дабы не отвлекать девушку от работы, заказывает сразу бутылку. «Камю», разумеется. И платит, как за три.

После второй «порции» из ее содержимого и четвертой в общем зачете, когда перед глазами стираются острые грани и из соседнего помещения перестает доноситься стук костяных бильярдных шаров, девушка подходит и сообщает чрезвычайно интересную новость: вот на этих двух «одноруких бандитах» уже дважды срывали джек-пот, а на том, что посередине – ни разу.

– Сломан, – предполагает клиент.

– Что вы, – удивляется девушка. – Я о текущем годе говорю. А в прошлом он два раза кассу опустошал.

Клиент смотрит на оконце. Табличка по-прежнему на месте, и он понимает, что время еще есть. Бросив насмешливый взгляд на очаровательное существо за стойкой – сейчас, крошка, я тебе покажу, как нужно правильно деньги зарабатывать! – он направляется к тому, что посреди двух.

Особенность этих автоматов в том, что они принимают игровые векселя любой формы, давая возможность дернуть за «руку» столько раз, сколько предполагает номинал опускаемой в гнездо фишки.

После восемнадцатого рывка клиент возвращается, чтобы набраться от сосуда энергии. После тридцать четвертого заказывает еще один сосуд. Возможности каждого игрового аппарата – миллион рывков его «культи». Потом необходим ремонт и техническое обслуживание. И клиент уже не может точно сказать, от чего «культю» заклинило. Не то он уже миллион раз включал вертушки на табло, не то просто он попал так, под техобслуживание.

Клиент возмущенно высказывает претензии администрации, и крупье с извинениями приносит ему пять фишек в качестве компенсации морального ущерба за причиненное неудобство при посещении казино.

Через полчаса он выигрывает сто пятьдесят долларов и успокаивается. Но ненадолго, потому что один из сотрудников казино, давно «зашлифованный» под клиента, зовет его в пару за карточный стол у самой кассы. «Ты фартовый парень, – молвит он, – отыграем пару косарей у снобов?»

Снобы – коллеги «зашлифованного» из когорты бывших уголовных катал, служащие казино, и в первое время им действительно не везет. Из их толстых «кукол», где долларами являются лишь первые десять банкнот, то и дело вынимаемых из карманов, отсчитываются доллары, и доллары эти переползают по столу к «везунчику» и его «партнеру». А потом все

происходит наоборот, и, когда к клиенту приходит протрезвление, оказывается, что за окном рассвет, а фишек в кармане ровно столько, чтобы выручить из кассы тысячу долларов.

Покрывшись холодным потом, он направляется к окну, и спецы за ширмой дают команду прекратить «пресс». Мужик, едва не срываясь на истерику, получает восемьсот долларов из кассы – ровно столько, чтобы покрыть ущерб за разбитую машину, и выходит на улицу. Прощай, женина шуба, до свидания, широкоэкранный телевизор, кожаная мягкая мебель и штука баксов заначки от жены на проститутку и пиво.

На пересечении Большой Якиманки и Бродникова переулкa его, пьяного, встречают двое, бьют в челюсть, забирают остаток и возвращают в кассу.

Барменша, «каталы» и двое «бойцов» получают премиальные по пятьдесят долларов. Ничего не поделаешь – игровой бизнес требует издержек. Но, как бы то ни было, потерять триста долларов все лучше, чем пятнадцать тысяч. А бывший клиент обращаться в милицию вряд ли станет. «В противном случае, – объясняют хозяину психологи, – ему обязательно придется отвечать на вопрос жены, откуда у него в пятидесяти метрах от дверей казино оказалось в карманах восемьсот долларов при полном отсутствии оных дома. А отвечать на него, как нам кажется, ему не хочется».

Но поступают так, конечно, не со всеми. Есть в казино строгие правила, следовать которым надо неукоснительно. Никогда не нужно мешать играть: состоятельным завсегдатаям, которые хоть и выигрывают, однако проигрывают всегда больше, нищим фанатикам, которые дома вычерчивают на бумаге формулы победы и каждый день приходят сюда, чтобы спустить очередные пять долларов или выиграть десять, и, конечно – кто бы думал иначе, – своим людям. Последних «кидать» особенно не рекомендуется, так как для отношений с ними казино в основном и существуют. А кусать собственную руку умный человек вряд ли станет.

И шарик замирает в ячейке «двадцать пять – красное».

– Вам сегодня везет, Андрей Николаевич, – смущенно, скрывая тревогу, бормочет крупье.

Тревожиться есть от чего. Известный игрок Крыльников, полковник милиции и заместитель начальника ГУВД, пять минут назад подошел к столу и поставил десять тысяч долларов на тот самый номер и цвет, что виднеется в занятом шариком гнезде. Крупье впервые видел, как такую сумму ставят на кон, и сейчас вынужден был признать, что вряд ли когда увидит, как при этом выигрывают.

А полковник забрал фишки и подошел к «однорукому бандиту».

Пять или шесть фишек провалились даром, однако спустя уже несколько минут в казино под потолком раздается громкий сигнал, напоминающий электронную канонаду фейерверка и возвещающий о том, что случилось невероятное. Охрана закрывает двери, а по электронной бегущей строке частят цифры: «\$3 995 800...\$3 995 800...\$3 995...»

Гул изумления, пропитанный черной и светлой завистью, восхищением и уважением, проносится по всему залу и уходит куда-то под свод потолка. Посетители, оставив коктейли и забыв о собственных заботах, устремляют свой взор к победителю, который, кажется, сам не верит свалившемуся на него с небес состоянию.

– Господи, – бормочет белокурая дамочка с ридикюлем, разыскивая в толпе мужа. Бриллианты в ее ушах сверкают милицейскими проблесковыми маячками и очищают путь к карточному столу, за которым никак не может возобновиться партия в покер. Найдя супруга, бросается к его шее вурдалаком и яростно шепчет на ухо: – Скажи, скажи мне! Я плохо вижу, это он что, почти четыреста тысяч выиграл?!

– Нет, милая, – шевелит пересохшими губами муж. – Он выиграл почти четыре миллиона.

И уже нет никакого интереса к игре. Главное в этом зале сегодня уже случилось. Что покер с банком в семьсот долларов, что зеленый стол с расчерченными зонами, где рядом свистит по рулетке шарик? Все кончено, и победы, похожей на эту, сегодня уже не случится.

А победитель стоит у табло, задрав голову и водя глазами по бегущей строке. Он так же, как и дама с бриллиантами в ушах, не понимает, сколько ему нужно получить в кассе. Из этого состояния его выводят администратор и управляющий. Подойдя с двух сторон, они мягко хлопают в ладоши, и последний говорит громко, чтобы слышали все:

– Андрей Николаевич, более удачливое игрока я в жизни еще не встречал. Надеюсь, вы понимаете, что такой выигрыш требует заказа в банке? В моей кассе вряд ли наберется такая сумма.

Игрок приходит в себя.

– Речь о четырех миллионах долларов? Меня устроит выписанный вами чек на предъявителя. И я не сомневаюсь, что при предъявлении его обеспечение подтвердится.

Администратор и управляющий заодно рассмеялись, хотя и слышалась в этом смехе скрытая тревога. Смешно клиент сказал: «если обеспечение подтвердится». Да если оно хотя бы раз не подтвердится... Но почти четыре миллиона долларов... Подтверждение, конечно, найдется. Не хватало еще шутить с Крыльниковым. Но четыре миллиона долларов... И посетители видят на лице хозяина разочарование. Игоря Викторовича понять можно, он не для того организовывал игорный дом, чтобы клиентура чистила его карманы подобным образом.

– Пройдемте ко мне, Андрей Николаевич, я оформлю необходимые документы, – предлагает управляющий, и все трое поднимаются по витой лестнице на второй этаж.

В зале становится скучно. Уже нет той живой энергии, что совсем недавно искрилась над каждым столом или у игровых автоматов. Главное уже случилось, но не в жизни тех, кто оставался под вторым этажом, на который вела витая лестница. Мужчины потянулись к бару, дамы – к туалету. И там и там в прохладе можно прийти в себя и переосмыслить случившееся.

– Вот так прийти и выиграть четыре миллиона, – не успокаивается дама с бриллиантами. Только что закончив втягивать кокаин через соломинку, она тербит ноздри, как боксер, разминающий уши перед поединком. – Сукин сын Крыльников. Теперь, конечно, пересядет с «Крузера» на «Порш».

– Он что, дурак? – безразлично возражает женщина в платье для коктейлей, самой подходящей униформе для казино. – Он построит дом на берегу Лимпопо, а в кабинет к начальнику будет по-прежнему заходить в пятидесятидолларовых лаптях. Мой муж говорил, что Крыльников на хорошем счету, а потому милый Андрей Николаевич дотянет свои полтора года до пенсии и остаток дней не будет задумываться о будущем. Сам будет жить в Африке, а дети по доверенности до конца дней его будут получать неплохую пенсию.

– Так уж и в Африке?.. – слышится изумленный шепот.

Ей можно было верить. Это все равно, как если бы Крыльников перед заездом в казино сам ей говорил, на что потратит выигрыш. Муж дамы в платье для коктейлей работал в аппарате правительства, и информация из ее уст всегда была первой и действительной.

– И все-таки он сукин сын, – окончательно приводя в порядок свой покрасневшийся и распухший нос напудренной подушечкой, сказала та, что с бриллиантами. – Счастливый сукин сын. А его стерва сейчас даже не подозревает, с чем он вернется домой с совещания у начальника ГУВД.

И все взоры устремились к ней. И не было в них осуждения, была лишь поддержка и понимание. Эта располневшая стряпуха Крыльникова, которую Андрей Николаевич в годы своего сержантства подобрал в каком-то саратовском закоулке, никогда не была частью высшего света Москвы.

Конечно, мало кто ходит в казино, чтобы обеспечить себя на оставшуюся жизнь. Большинство здесь тусуется, чтобы убить время и посмотреть на себе подобных. Но когда случа-

ется то, что случилось сегодня, сразу расставляются акценты, и жизнь видится уже по-другому. Четыре миллиона есть у всех из тех, кто приходит сюда спустить накопившиеся, как усталость, средства. Эти средства – как лишняя кровь, которую периодически советуют пускать для улучшения функций организма. Но эти миллионы им доставались в борьбе, в риске, в страхе скорее сесть, чем заработать. Но чтобы вот так, за десять минут, ничем не рискуя...

Много ли в Москве генералов, поднимающих такие суммы, не ударив при этом палец о палец? А сколько полковников, их заместителей? Через полчаса в казино станет окончательно пусто. Здесь нечего больше делать. Главное уже случилось, а два раза подряд мина в одну воронку, как и шарик в лузу, не попадает.

Глава первая

Оба сидели в кабинете на Большой Дмитровке и смотрели, как слои сизого дыма шевелятся в горячих потоках воздуха, исходящих от калорифера с вентилятором. По тому, что на допросе они присутствовали сразу вдвоем, можно было понять, что следователь, сидящий за столом напротив них, никакой хитрой разведывательной игры не ведет. В таких случаях работают исключительно индивидуально. Из этого вытекает, что он, следователь, ни в чем крамольном их не подозревает и все, что ему нужно, это их память и чтобы они прониклись серьезностью ситуации.

Один из них был в кожаной куртке – не в униформе отмороженных вымогателей с Савеловского рынка, а удлиненной, не подходящей для занятий боксом в уличных условиях, костюме под ней с отливом цвета воронова крыла и таком же черном свитерке. Некоторые такие свитерки называют «водолазками», другие – джемперами, третьи – кофтами. Все зависит от уровня полученного ровесниками этих двоих в конце восьмидесятых образования. Куртка с мехом, на подстежке, воротник вызывающе демонстрирует обеспеченность хозяина в этой жизни – черная норка великолепной работы финских скорняков, за воротником – тонкий шерстяной шарфик, опять же черный. Между шеей и свитерком – узкий, едва выступающий за край последнего краешек воротника белоснежной рубашки. Черного столько, что, если бы не подавшийся суеде этой жизни испуганный взгляд голубых глаз, можно предположить, что этот тридцатипятилетний мужчина – начальник кладбищенского хозяйства, погружающий в землю исключительно состоятельных людей.

Второй особыми отличиями в привычках одеваться от первого не отличался, носил короткое, по колено, кашемировое пальто, причем цвет его попеременно менялся в усталых глазах следователя от темно-синего до черного, опять же костюм от Canali, то ли темно-серый, то ли черный, белая рубашка, черный шарф. И, как у первого, – черные лакированные туфли от A. Testoni в двадцатиградусный мороз. Последнее свидетельствовало о том, что оба были в Генпрокуратуру на своих авто. Работали мужчины в разных направлениях бизнеса и познакомились лишь благодаря случаю, из-за которого в кабинете и оказались.

А хозяином кабинета был старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры советник юстиции Иван Дмитриевич Кряжин.

Первый прибыл к воротам на Большой Дмитровке на «Феррари», второй на «Мерседесе». Определить, что дороже, возможным не представлялось, и сотрудники прокуратуры нынче утром, проходя мимо припаркованных прямо под знаком «Только для служебных а/м Генеральной прокуратуры РФ», гадали, кто из «важняков» обнаглел до такой степени.

– ... А потому я спрашиваю – с чего вы оба взяли, что человек, сорвавший в «Эсмеральде» джек-пот, был из ментов? – закончил Кряжин и, внимательно рассматривая обоих, с удовольствием присосался к сигарете.

Гости тоже когда-то курили, но мода на здоровье у состоятельных людей заставила их бросить дурную привычку, ибо дымящаяся сигарета в руке партнера по бизнесу в момент заключения сделки – несомненный моветон. С начала девяностых они и пить стали меньше. Из дурных привычек остались лишь тяга к азартным играм, выражающаяся в посещении казино, таких, как «Эсмеральда», да пара косяков канабиса в день по окончании рабочего дня. Одного из них, «норкового», Кряжин знал давно, когда еще в начале девяностых «важнячил» во Владимире. Тогда Роман Алексеевич Харчиков был просто Ромой Харчком, разводящим на Центральном рынке города приезжих китайцев. Роме было двадцать пять, и у него была красная «девятка». По «сто сорок восьмой»¹ ему вклеили четыре года и «девятку» отняли. Он вышел

¹ Ст. 148 УК, действовавшего до 1996 г., – «Вымогательство».

через два и на следующий день купил синюю «девятку». Через два месяца его снова «приняли» по тому же составу преступления, вклеили пять, синюю конфисковали так же, как и красную, после чего он вышел через два года и купил черную «девяносто девятую», которую последующие полгода торговцы из Владимира называли не иначе, как «Черная вдова». Каждый, к кому она приезжала, сиротел на свой бизнес.

Рому опять закрыли, он вышел уже в девяносто девятом и, кажется, взялся за ум. За чей именно, Кряжин пока не знал, но то, что у Харчикова своего не хватило бы ни на туфли от Тестони, ни, тем паче, на желтый «Феррари», следователь знал наверняка. Как бы то ни было, претензий ни от властей, ни от граждан к Роману Алексеевичу в последнее время не было – проверкой этого занимался Кряжин те полчаса, что гости сидели под его дверью. Не было претензий и ко второму, чье лицо советник видел впервые в жизни.

«Зибарев Владислав Павлович», – представился он, и даже по взгляду его читалось, что ни в зону, ни даже в «крытку» он не заезжал ни разу. Это имя, отчество и фамилия не сказали Кряжину ровным счетом ничего, но советник мог в течение одной минуты вспомнить несколько десятков ярких случаев из своей прокурорской практики, когда имя ему не говорило ничего, а шлейф поступков, тянувшийся за ним и не отмеченный ни в одной регистрационной книге УВД, – длиною с милю.

– Так почему вы решили, что человек, сорвавший джек-пот, из ментов? – повторил Кряжин, перекладывая сигарету из одной руки в другую – ему нужно было взять со стола карандаш.

– Видите ли, – размеренно, словно восхищаясь собственной догадливостью, сказал Зибарев, – из нагрудного кармана его пиджака виднелся уголок красного удостоверения.

Кряжин пожевал губами, сухо сплюнул на пол непонятно откуда взявшуюся на языке при курении «Кэмел» табачную крошку и стал рыться в ящиках стола. Найдя нужное, он перегнул через стол и сунул это в нагрудный карман пиджака соседа Зибарева. И теперь из-за накрахмаленного платка владельца дорогой итальянской иномарки выглядывал краешек синего удостоверения. Владелец платка и какого-то нового предмета выглядел вполне спокойно и даже не моргнул, когда с ним проделывали эту малоприятную манипуляцию.

– Теперь скажите мне, господин Зибарев, кто сидит рядом с вами.

Тот повертел глазами, посмотрел на соседа и ответил, как отвечают примерные школьники:

– Это господин Харчиков.

– Это не просто господин Харчиков, – голосом учителя, смиряющегося с непроходимой тупостью ученика, произнес советник. – Это постоянный посетитель библиотечного фонда Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Рома Харчок вынул из кармана удостоверение, прочитал на нем: «Читательский билет» – и аккуратно, даже чересчур аккуратно, положил на стол следователя. В библиотеке он был один раз, во Владимире. Приходил посмотреть, нельзя ли выкрасть что-либо из старины типа рукописи «Песни о вещем Олеге». Пришел и попросил почитать «что-нибудь очень древнее». Женщина с очками в роговой оправе на носу и формулярами в обеих руках спросила, какое направление читателя интересует. «Мне что-нибудь из Конана Дойля, – сказал Рома и, заметив поднявшиеся над правой брови, уточнил, – из раннего». Оказалось – библиотека научно-техническая.

– И если господин Харчиков ездит на «Феррари», то он что, Микаэль Шумахер? – добавляя к читательскому билету весу, усилил свои позиции Кряжин.

– Да что вы меня все машинами попрекаете? – взорвался Рома. – Что, и эту отнять хотите? Не выйдет! Я добропорядочный гражданин, имею свой бизнес и к миру криминала теперь никакого отношения не имею!

При последних словах господин Зибарев сделал едва уловимое движение, напоминающее отстранение в сторону вместе со столом.

– Если бы вы, Иван Дмитриевич, тогда не просили судью «тачки» у меня конфисковывать, то у нее самой ума бы ни за что не хватило!

– Не надо на себя имущество оформлять, Харчиков, – посоветовал Кряжин, и Зибарев засуетился. По всему выходило, что он присутствует на встрече старых знакомых, причем не самых хороших, и в контексте ситуации его реноме может пострадать.

– Так что, Зибарев, если у человека из кармана край красной ксивы выглядывает, он обязательно мент? – словно прочитав его мысли, развернулся к нему следователь.

– Да гонит он, – буркнул Харчиков и полоснул соседа острым взглядом. – Торчал из кармана... Краешек... В «Эсмеральде» тот мусор завсегда роился с ему подобными. Его вся охрана знает – какой-то шишкарь из ГУВД. Что ты луну крутишь перед ним? – раздраженно бросил он Зибареву, кивнув на Кряжина. – «Мерс» лишний в гараже завелся, что ли?! Я его десять лет знаю, еще во Владимире вместе начинали...

– Вместе? – окончательно опешил владелец темно-синего пальто. – Начинали?..

– А я не говорил, что вместе – в прокуратуре, – под расслабленную улыбку советника пояснил Харчиков. – Этого мента, Иван Дмитриевич, в «Эсмеральде» знает каждый посетитель, не то что крупье. И вы посмотрите, как ему всякий раз везет (на лице бизнесмена появилась ехидная усмешка) – менее чем без штуки баксов в кармане не уходит! Хоть самому в ГУВД устраивайся...

– Меня больше интересует, как он ушел с... – накинув на нос очки, Кряжин стал читать с листа: —...тремя миллионами девятьюстами девяносто пятью тысячами и восемьюстами долларов.

– Ну, как... – Харчиков пожал плечами, ища поддержки у Зибарева. – Насколько я помню, Гайка пригласил его наверх, там расплатился, и полковник спустился.

– Что, так и ушел? И карманы его, наверное, топорщились в разные стороны, как у тебя, когда ты воровал у Зайчихи во Владимире яблоки? Харчиков, ты когда-нибудь видел четыре «лимона» баксов наличными? В смысле ты представляешь кубатуру, которую занимает такая сумма?

– Гайка мог расплатиться купюрами в десять тысяч долларов, – корректно вмешался в диалог Зибарев.

Кряжин снова пожевал губами и стал разыскивать в пачке сигарету. Она затерялась за фольгой, долго не вынималась, а когда появилась, заставила хозяина синего пальто поморщиться. Два с половиной часа обкуривания уничтожили два года воздержания от курения. Теперь в легких бизнесмена саднила боль, хотя это ему, возможно, только казалось.

– Уважаемый гражданин Зибарев, – щелкнув зажигалкой, Кряжин отогнал от себя сизое облачко, – если Гаенко, которого вы кличете Гайкой, расплачивается на территории России банкнотами США, предназначенными исключительно для внутриэкономического пользования последних, и вы воспринимаете это как нормальное явление, то у меня зарождается желание заглянуть в ваш домашний и служебный сейфы.

– Это просто предположение, – развел руками хозяин «Мерседеса». – В конце концов, Гаенко с полковником могли договориться, и первый мог просто перевести деньги на его счет.

– Это на краешке красного удостоверения было написано – «полковник»? – Кряжин прищурился. – Или я вам сообщил звание? Зибарев, я вас сейчас «приму» по полной программе, а рэкетира-рецидивиста Харченко выгоню отсюда к чертовой матери, потому что он единственный, кто не врет!

После обещаний испытать неземное чувство, когда толстая потная «дубачка» в «Красной Пресне» будет делать ему анальный досмотр, Зибарев почувствовал легкое недомогание и вспомнил, что фартового мужика, унесшего из «Эсмеральды» годовой бюджет Белоруссии, зовут Андрей Николаевич, трудится тот в ГУВД Москвы заместителем начальника, ездит на черном «Крузере» две тысячи третьего года выпуска и является в казино постоянным посе-

тителем. С ним всегда прибывают двое, и Зибареву припомнился случай, когда один из тех двоих предъявлял охраннику красное удостоверение, свидетельствующее о том, что они тоже милиционеры. Частные охранники имеют удостоверения зеленого цвета. Во всяком случае, частные охранники Зибарева. С Харчиковым он познакомился в казино как раз в тот день, когда Крыльников сорвал джек-пот. Они сидели за одним столом, и господину Харчикову особенно везло.

– Кто бы сомневался, – бросив взгляд в сторону поскучившего Ромы, буркнул советник. – Господин Харчиков обычно проигрывает три первые партии, до того момента, пока не покроет «крапом» своих когтей всю «библию»². Так что было дальше?

Зибарев вспомнил, а Харчиков подтвердил, что сразу после выхода от хозяина казино Крыльников остановился у барной стойки, выпил две рюмки коньяку, закусил лимоном и вышел на улицу. Двое крепышей последовали за ним. За столом случайные знакомые просидели еще около часа – это легко вспомнят трое крупье, которые менялись с той же легкостью, с какой Харчиков брал взятки при каждой раздаче. Когда смена крупье никаких результатов не принесла, крупье как бы невзначай переломил двойку треф, и пришлось поменять колоду. На некоторое время Харчиков остепенился, но потом снова стал грести доллары лопатой. Теперь господину Зибареву ясно почему, но за проигранные господину Харчикову четыреста семьдесят долларов он не в обиде, ибо каждый делает деньги из того, из чего умеет. И это все, что он помнит.

А Рома, стараясь выглядеть прилично в условиях жесткой конкуренции – при таком раскладе, где доверчивость Зибарева начала перехлестывать через край, уже становилось непонятно, кого выгонят к чертовой матери, а кому будут делать анальный досмотр, – добавил:

– Кстати, и полковник, и его менты проходили в зал с «железом», и охрана их через детектор металла не прогоняла. Один раз кто-то новый из «вертухаев» попробовал по ним какой-то приладой поводить, но его быстро урезонили. Тогда мусор свою ксиву и засветил.

Подумал и решил укрепить свой оборонительный редут еще сильнее:

– Когда полковник садился за стол, крупье всегда менялся и на раздачу вставал один и тот же.

– Фамилия? – бросил Кряжин, беря в руку карандаш.

– По фамилиям в игорных домах крупье не кличут. Зовут, знаю, Костя, а погоняло – Туз. А что случилось-то, Иван Дмитриевич? У меня шкура ходуном ходит. Такое чувство, что под нее какой-то инъекшн вогнать хотят, а я не знаю, какую сыворотку из штатива вынимать...

Газета «Вести столицы» (учредители: ГУВД г. Москвы, мэрия г. Москвы, Фонд ветеранов МВД г. Москвы), 30.12.2004 г.:

«Очередное чудовищное преступление против правоохранительных органов совершено в городе на пересечении улицы Большая Якиманка и Бродникова переулка. Сегодня ночью, около двух часов, был убит заместитель начальника ГУВД Крыльников Андрей Николаевич. Неизвестные расстреляли полковника милиции в упор, и существо этого убийства раскрывает выстрел в затылок, когда милиционер был уже мертв.

Крыльников А.Н. руководил следственной бригадой ГУВД Москвы, расследующей уголовное дело о финансовых махинациях в спортивном клубе города «Олимп». Футбольный клуб «Олимп», неоднократно выступавший в Кубках УЕФА и Лиге чемпионов, является своеобразной визитной карточкой столицы, ее гордостью, однако после смены руководства клуба и новой политики президента дела команды пошли на спад. Несмотря на то что с начала года клуб обогатился несколькими истинными мастерами футбола, к коим следует отнести и звезду испанских чемпионатов прошлых лет Анолсо – любимца московских болельщиков, нынешнее выступление клуба в Кубке УЕФА отнести к разряду успешных вряд ли возможно. После двух

² Карточная колода (вор.).

поражений кряду и одной ничьей «Олимп» выбыл из дальнейшей борьбы, а один из менеджеров клуба заявил о причастности руководителей команды к хищению средств клуба, что тут же вызвало поток критики в его адрес со стороны футболистов и руководства и шок у болельщиков.

28 декабря менеджер клуба, заявивший о махинациях, был найден в своей квартире в Фуркасовском переулке с петлей на шее. Рядом с телом находилась записка, в которой менеджер просит никого не винить в своей смерти и объясняет причину своего заявления как желание отомстить президенту клуба за его намерение уволить менеджера сразу по возвращении из Бремена, где наша команда играла с местным «Бременом» и отстояла ничью.

Полковник Крыльников руководил бригадой следователей всего неделю, но то, как он был «отстранен» от расследования, свидетельствует о том, что он за столь короткий срок успел сделать многое. И теперь уже нет никаких сомнений в том, что убийство Крыльникова было связано с его служебной деятельностью».

Газета «Независимый вестник», 30.12.2004 г.:

«Вчера, 29 декабря, в районе казино «Эсмеральда» был расстрелян в упор заместитель начальника ГУВД Москвы полковник милиции Андрей Крыльников. Убийство было совершено в лучших традициях заказного жанра, с «контрольным выстрелом». Давайте попробуем разобраться, что могло послужить причиной ликвидации этого должностного лица, второго по значимости после главного милиционера столицы генерал-лейтенанта Чубасова. Для этого следует обратить внимание на ряд фактов. Итак...

Во-первых, Андрей Крыльников возглавлял следственную группу, занимающуюся изучением банковских счетов и клубной бухгалтерии футбольной команды «Олимп».

Во-вторых, полковник за несколько минут до убийства вышел из уже упомянутого нами казино.

В-третьих, как нам стало известно от некоторых посетителей казино, за несколько минут до того, как выйти на Большую Якиманку, чтобы через несколько минут встретить свою смерть, полковник милиции Крыльников выиграл в игральные автоматы почти четыре миллиона долларов.

В-четвертых, как сообщил нам следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам подполковник Кряжин, этих денег при теле второго милиционера города обнаружено не было. Кошелек с тремя тысячами рублей был, документы, ключи от машины, квартиры были. Четырех миллионов долларов – нет. При этом ни вывернутых карманов, ни других признаков лихорадочного обыска тела убийцами также не было замечено.

Такова фабула последних дней и минут жизни полковника Крыльникова.

А теперь давайте начнем задавать вопросы, которые, возможно, задает себе и Кряжин, хорошо известный в правоохранительных кругах и в криминальном мире следователь, которому поручено разобраться в этом загадочном убийстве.

Вопрос первый: не получил ли при своем милицейском расследовании Крыльников ответ на главный для россиян вопрос – почему даже самые богатые клубы страны, такие, как «Олимп», не способны играть в футбол?

Вопрос второй: какую оперативную информацию хотел получить полковник милиции, выворачивая конечности «одноруким бандитам»?

Вопрос третий: как часто полковники милиции, выиграв в казино четыре миллиона «зеленых», идут гулять по ночной Москве?

Ну и последний вопрос. Уверен, многие поставили бы его первым: где сейчас находится сорванный удачливым милиционером джек-пот?

Вообще, много необычного, удивительного происходит в жизни сотрудников милиции. Иногда перед некоторыми из них встает дилемма, которая вряд ли когда-нибудь встанет перед любым другим человеком: умереть за секреты УЕФА или за четыре миллиона долларов?

Как бы то ни было, сарказм в сторону: в городе убит милиционер. Убит дерзко, профессионально. Убийцы устранили должностное лицо правоохранительных органов, занимающееся служебной деятельностью. А что касается джек-пота, друзья, то ни одна инструкция не может запретить милиционеру зайти в игальный дом и сыграть там на интерес. Вот политическую партию возглавлять – нельзя. А в казино кости метнуть – за ради бога. Закон един для всех, и не нам судить, насколько правомерны действия должностных лиц Главного управления внутренних дел.

И сейчас мы с тревогой и надеждой смотрим в сторону Большой Дмитровки, где в одном из кабинетов уже начал расследование смерти Крыльников старший следователь по особо важным делам Кряжин. Именно ему придется отвечать на вопрос, что это было: банальное ограбление или козни УЕФА, не желающего допустить проникновения российских клубов на мировую арену. Или что-то другое».

Глава вторая

Приоткрыв дверь в кабинет Смагина, Кряжин посмотрел в глубь помещения. За столом располагался сам хозяин и от обилия прессы, разложенной на столе в развернутом виде, казался главным редактором центрального печатного органа.

Если бы не китель с золотыми погонами, на которых красовались по три звезды и два просвета, так и можно было подумать. В руках старшего советника юстиции был последний номер «Независимого вестника».

– Товарищ полковник, подполковник Кряжин по вашему приказанию прибыл.

– Да перестаньте вы, Кряжин-подполковник, – раздраженно проговорил Смагин. – Этим писакам что старший советник, что полковник – одно и то же. А две звезды есть – значит, подполковник. Три – полковник. А Вышинский кем был? Генералом армии, что ли? Штаб фронта, а не прокуратура...

С хрустом сложив газету, он бросил ее поверх стопки остальных.

– Смотри, – кивнул он на полученный результат. – Везде тайны футбола и четыре миллиона. Везде. Ты зачем в прессу информацию выдаешь, Иван Дмитриевич? Что это за...

Выдернув из стопки нужную газету, он встряхнул ее, как простыню перед сушкой, и приблизил к статье очки. Очки он держал в руке, как лупу.

– «Как заявил следователь Генпрокуратуры И. Д. Кряжин, нет сомнения в том, что причиной самоубийства главного менеджера команды «Олимп» стали предвзятые действия арбитров во время матчей нашей команды со «Спартой» и «Галатасараем»...» Это что за чума?

– Меня попросили выразить свое мнение об игре «Олимпа» на Кубке, и я как гражданин его высказал. Сказал, что не каждый, у кого одна нога короче другой, – Гарринча и что от такого судейства можно повеситься. И говорил это не в микрофон.

– Да какая разница, куда ты это говорил?! – вскипел начальник следственного управления. – Эти плотоядные с карандашами в липких пальцах только и ждут, когда сотрудник Генеральной прокуратуры промолвит нечто, что потом можно будет провернуть через задницу, как через мясорубку, и взять в кавычки, как цитату!.. Со свидетелями беседовал?

– Да. – Расположившись за столом, Кряжин вкратце рассказал о допросах очевидцев чуда в казино «Эсмеральда» минувшей ночью. – Все, как один, были свидетелями озолочения Крыльникова, и никто из них не видел, чем тот занимался, когда вышел из казино на улицу.

– А спутников его со стволами под мышкой установил?

Советник поморщился и попросил разрешения закурить.

– Егор Викторович, я четыре часа назад возбудил дело, а вы хотите, чтобы я уже назвал вам имя убийцы. Я и с хозяином «Эсмеральды» еще не беседовал.

– Поосторожнее с ним, – посоветовал Смагин, зная между тем, что для следователя Кряжина это предупреждение совершенно излишне. Осторожен советник был всегда ровно так же, как для него не имел значения статус собеседника. – У него тесть в Высшей квалификационной коллегии судей. И вот еще что...

Дело находится в производстве Кряжина. Это значит, что он имеет право на создание следственно-оперативной бригады, и Смагину хотелось, чтобы ее состав советник назвал сам. Главная проблема заключалась в том, что у правоохранительных органов одеяло одно на всех. И, скажем, МВД не хотелось бы, чтобы лавры победителей в этом деле достались прокуратуре, которая в последнее время и без того сует свой нос туда, куда бы ей совать не следовало. Поиск убийц второго по значимости милицейского чиновника Москвы для МВД – вопрос чести, и потому наличие в бригаде излишнего количества милиционеров, всегда готовых слить информацию в свое ведомство, – вопрос не праздный.

– От МВД мне нужен один Сидельников, из МУРа. Еще криминалист Молибога и кто-нибудь из Федерального агентства по спорту.

– А этот дядя тебе зачем?

– Молибога?

– Да перестань ты... – раздраженно бросил Смагин. – Из агентства по спорту тебе зачем представитель?

– Вы разбираетесь в структуре спортивного бизнеса? Я нет. И уж совсем не смыслю в перераспределении бюджетных средств в этой области и поступлении инвестиций от различных обществ и благотворительных организаций. Крыльникова могли убить как с целью ограбления – я не исключаю, что хозяин казино выписал ему чек, – так и по той причине, что он всего за несколько дней раскрыл схему перераспределения казенных денег в клубе. Без профи в этом направлении мне не обойтись.

Смагин ладонями разгладил на лице морщины и потрепал себя за переносицу.

– Генеральный велел передать в твоё подчинение на все время расследования троих оперов из ГУВД. Так что отделаться одним Сидельниковым у тебя не получится.

– Это называется – вы хотите, чтобы я сам назвал состав бригады? – возмутился Кряжин. – И при этом требуете, чтобы я перекрыл канал информации? Тогда пусть генеральный договорится с министром о передаче в моё распоряжение ещё по одному оперуполномоченному от каждого РОВД города. Мы будем ходить всем батальоном по Садовому кольцу и петь революционные песни. Молибога бить в барабан, а я трубить в горн.

– Объясняю для непонятливых. – На лице Смагина читалось явное недовольство самим собой за то, что он говорил. – И министра внутренних дел, и генерального сегодня утром вызвали... куда, ты думаешь? Правильно, туда. И там первого прочистили орудийным банником от Царь-пушки по самые полипы, а второго попросили расследовать дело быстро и показывать убийц суду скоро. Как ты думаешь, Кряжин, учитывая, что генеральный видел, как и через что министра внутренних дел чистили банником и просили при этом его, генерального, сделать дело быстро, он согласится на одного оперуполномоченного в твоей бригаде? Если ты настроен его переубедить – пожалуйста! – И Смагин махнул рукой в сторону двери. – Скажешь, что промеж нас возникло недопонимание и я разрешил тебе обратиться напрямую. Но перед тем, как ты пойдешь, Кряжин, я напишу на бумаге свое особое мнение и попрошу тебя передать тому, к кому ты собираешься. Ты уж извини, старина, но я не министр, и калибр главного орудия страны не по мне.

Никуда идти Кряжин, конечно, не собирался. Редко случалось так, когда бы его ставили в рамки, устраивающие советника либо по существу, либо по форме. И никогда форма не была идеально идентична существу. Всякий раз находились препоны, затрудняющие работу, но при этом каждый раз требовался результат, и только положительный. Кто может ответить на вопрос: зачем Кряжину три оперуполномоченных уголовного розыска из ГУВД, если он сам определил, что достаточно одного из МУРа? Искать ответ бессмысленно, потому как он находится в той области, куда нет доступа следователю. Для людей в погонах, хотя и не полковников, а советников, существуют распоряжения, невыполнение которых ничего, кроме неприятностей, не принесет.

Он направлялся не в казино, куда обещал Смагину ехать сразу, выйдя из его кабинета. Кряжин ехал в ГУВД, он чувствовал, что сейчас гораздо важнее в первую очередь познакомиться с двумя спутниками Крыльникова, чем с крупье по прозвищу Туз и самим хозяином Гаенко. И Харчиков, и Зибарев в один голос твердили, что полковник вышел из казино и следом за ним двинулись двое, как следовало догадываться, охранников. Кстати, в ГУВД не мешало бы выяснить, вписывалась ли та охрана в рамки расследования уголовного дела по «Олимпу», или же это была личная инициатива замначальника городского управления.

Главное управление встретило советника напряженным вниманием. В вестибюле на стене был закреплён портрет Крыльникова, перетянутый черной лентой, на полу стояла ваза, в вазе – живые цветы. Все по правилам траура, и даже часовой на входе, молодой сержант из только что призванных, имел на руке красную повязку с черным кантом.

Поздоровавшись со всеми, с кем был знаком из встречающихся на пути, Кряжин поднялся на этаж начальника и прошёл в приемную.

– У Николая Игнатьевича люди, – тут же предупредила секретарь, мгновенно оценив и штатский костюм гостя, и его галстук, и толстую кожаную папку. – Вы по личному или как? Можете передать мне в руки, я отдам.

– Интересно, что вы рассчитываете получить в руки, если я к Николаю Игнатьевичу по личному? – буркнул советник и посмотрел на часы. – Знаете что... Нажмите-ка эту кнопчку и сообщите начальнику, что его в приемной ждет следователь Генеральной прокуратуры.

На всякий случай секретарь решила обидеться, хотя из сказанного ровным счетом ничего не поняла. За исключением, разумеется, последней просьбы.

– Но у него люди! – вспыхнула она, уставившись на Кряжина таким изумленным взглядом, словно тот к озвученной категории не относился вовсе.

И тогда советник прошёл к столу и под яростный протест секретарши нажал на кнопку сам.

– Николай Игнатьевич, извините, что отвлекаю. Это Кряжин из Генеральной.

Чубасов ничего не сказал, но уже через минуту послышались глухие звуки по полу рядом с двойной дверью и щелчки опускаемых на ней ручек. Из кабинета главы милиции города вывалились трое в одеждах, приобрести которые за заработную плату невозможно, и, скользнув по следователю недружелюбным взглядом, вышли вон.

– Пусть заходит, Антонина Алексеевна, – разрешил в громкоговорящую связь Чубасов.

Накинув пуховик и шапку на вешалку, Кряжин смахнул со стула папку и под леденящим душу взором секретаря Антонины Алексеевны прошёл в вотчину генерала. Кабинет был, пожалуй, даже попросторнее, чем у генерального. Потому, наверное, и портретов Президента не один, а три. Президент в черной шапке с «крабом» всматривается в горизонт, где море сходится с небом, Президент в летном костюме спускается с лестницы, ведущей из кабины «Су», и Президент за столом под штандартом. Кряжин давно заметил, что количество находящихся в кабинете портретов главы государства находится в прямой зависимости от размера вины хозяина этого кабинета за ситуацию на вверенном участке работы. Кроме того, слева от стола генерала Чубасова располагался флаг, а на столе крошечная статуэтка Дзержинского. Она напоминала пестик, которым начальник московской милиции размельчал корни для изготовления снадобья по задурманиванию мозгов своему руководству. Маленький Феликс и три больших портрета Президента – вот, пожалуй, все, на чем можно было сконцентрировать внимание входящего. В остальном все было как везде: тюлевые занавески, огромный стол, на котором можно было играть в теннис, стеклянный шкаф с литературой. Шкаф для одежды, наверное, располагался в соседней комнате, дверь в которую была замаскирована под стеллаж для книг, которыми никогда не пользовались: «Методика психологической подготовки сотрудников милиции», труд неизвестного Кряжину криминалиста Фарницкого со странным названием «Органическая криминалистика» и другие, чтение которых неизбежно приводит к потере самоконтроля и глубокой коме.

Генерал-лейтенант Чубасов являл собой крупную фигуру, и не только в правоохранительном мире столицы. Господь не обделил его ни весом, ни ростом, прошлое его читалось по орденским планкам, хмуро блистающим на левой стороне кителя. На правой стороне виднелись несколько знаков, подчеркивающих особую значимость генерала для органов внутренних дел: «Участник боевых действий», «Отличник МВД» и еще что-то очень похожее то ли

на крест, то ли на меч, обвитое лавровыми листьями из серебристого металла. Кряжин всегда путался в этих атрибутах почести, которых в милиции бесчисленное множество.

Генералы очень не любят улыбаться, это претит их пониманию ответственности за работу на вверенной должности. Очки они частенько носят на кончике носа, что, несомненно, придает им некий шарм и одновременно выдает легкое пренебрежение к тем, с кем приходится общаться. Сейчас же, глядя на начальника ГУВД, Кряжин подумал о том, что генерала вместе с министром чистили одним банником. Настроение у Чубасова было ни к черту, визит Кряжина он расценивал как проникновение в комнату огромной мухи, только что слетевшей с помойки и готовой на что-нибудь сесть, чтобы запоганить. Еще не успев переброситься с Чубасовым словом, советник догадался, что неприязнь вызвана как раз теми причинами, о которых говорил Смагин. Это и удар по авторитету генерала, у которого преступники, не долго думая, убили заместителя, и раздражение от невозможности что-то сделать по «горячим следам», и, наконец, принятое не им решение, согласно которому заниматься поисками наглецов, устранивших Крыльникова, будет Генеральная прокуратура. Как бы не пришлось вешать на стену еще один портрет, ибо уже само решение сверху наталкивает на размышления о том, что доверять Чубасову какие-то расследования, особенно связанные с убийствами, бессмысленно.

Конечно, решение было принято по другим причинам. Убийством полковника милиции, заместителя начальника ГУВД, должна заниматься именно Генпрокуратура. Однако это все для понимания генералов слишком сложно. В этом возрасте обиды поражают в самое сердце даже тогда, когда они совершенно необоснованны, и люди находятся на такой высоте, откуда уже довольно сложно разобрать буквы в строках законов. А потому само прибытие к нему молодого, по его меркам, «важняка» из прокуратуры, хотя бы и Генеральной, Чубасов воспринимал как личное оскорбление.

– Проходите, садитесь, здравствуйте, – процедил он, порядком располагаемых в предложении слов полностью раскрывая свое отношение к Кряжину. – Вы за тремя операми? Я их уже направил на Дмитровку.

Кряжин провел пальцами по верхней губе и расстегнул на пиджаке нижнюю пуговицу.

«Лихо, – подумалось ему. – Чубасову только осталось сказать: «До свидания, у вас есть еще что-нибудь ко мне?»»

– Не совсем это направило меня к вам, – стараясь выглядеть деликатным, сказал советник. – Меня интересуют не столько эти трое, сколько двое других.

– Какие двое других? – нахмурился генерал. – Решено было ввести в вашу бригаду троих.

«Вот оно что, – улыбнулся в душе советник, – «ввести»! Чуть не сказал «внедрить»».

– Те, что были с Крыльниковым в казино. Двое молодых, крепких ребят, сопровождающих полковника всякий раз, когда он приезжал в казино «Эсмеральда», чтобы выиграть немного денег.

Чубасов начал багроветь. Сначала у него появился розоватый цвет на скулах, потом красные пятна на щеках. Когда румянец превратился в загар, краска вдруг отлила, и генерал медленно снял очки. С первым приливом ярости, свойственным его поведению в минуты явного проигрыша в беседе, он справился успешно, хотя и дал возможность Кряжину вдоволь понаблюдать за этим процессом.

– Вы, советник, плохо, наверное, понимаете, что происходит, – опять стал цедить он слова, стараясь выглядеть и раздраженным, и терпеливым одновременно. – Погиб наш коллега. Уважаемый в милиции человек. Профессионал своего дела. Ваш же неуважительно-пренебрежительный тон наталкивает меня на мысль, что вы приехали расследовать дело о краже ящика сайры.

– Ну... – Кряжин улыбнулся, взваливая на себя труд выглядеть виновато. – Ящик сайры – это по части вашего ведомства. И вы напрасно так расценили мои слова. Я всего лишь хотел сказать, что молодые люди сопровождали полковника постоянно. А то, что он был постоянным

посетителем казино, причем посетителем удачливым, далеко не секрет. Стоит лишь зайти в «Эсмеральду» и спросить. Так вот именно с этими оперативниками я и хотел поговорить. – Чтобы сбить вспышку гнева, Кряжин решил довести ее до критической точки и тем заставить генерала вынужденно спустить пар: – Кстати, неуважительно и пренебрежительно – это одно и то же.

Тот случай, когда при разговоре с подчиненными генерал мог запросто выматериться и когда он вынужден был остановиться, дабы не выглядеть чересчур эмоциональным для представителя другой структуры.

Так и случилось.

– Почему вы решили, что они оперативники? – Стрелка душевного тахометра главного милиционера Москвы упала вниз, и теперь он выглядел принужденно тактичным.

А сразу после его вопроса советнику показалось, как к нему со всех трех портретов обратились внимательные взоры. Пестику на столе, тому было все равно. Все происходящее в этом кабинете последние восемьдесят лет он считал недоразумением.

– Вам виднее, – этот удар нахального «важняка» был уже под дых. – Значит, они не оперативники. Но побеседовать с ними я все равно хотел бы.

Почесав затылок, Чубасов с трудом справился с нокдауном и нехотя снял с телефона трубку. И голосом, далеким от задорного, прогудел:

– Шульгин, зайдите ко мне.

Человек с погонами генерал-майора по фамилии Шульгин прибыл в приемную быстрее, чем Кряжин успел похвалить «со вкусом подобранную литературу» на бутафорском стеллаже. Наверное, кабинет прибывшего был рядом. «А может, и нет», – подумал следователь, вглядываясь в лицо запыхавшегося генерала.

– Шульгин, кто у нас входил в сопровождение Крыльникова во время руководства им следственной группой?

«Это для меня, – понял Кряжин. – Я сейчас просто обязан отметить две вещи: Чубасов не знает, кто входил в охрану, и охрана полковнику предназначалась исключительно на время работы следственной группы по делу «Олимпа».

– Гринев, Стоцкий. Первый сейчас в отпуске, а второй уехал к матери в Казань. У мамы рак.

Кряжин погрыз ноготь и посмотрел на генерала исподлобья:

– Сегодня в два часа ночи Гринев и Стоцкий находились рядом с полковником Крыльничкиным. Возможно, за несколько минут до его смерти. Если я сейчас поинтересуюсь, насколько внезапным для Стоцкого оказалось известие о том, что у его матери онкологическое заболевание, вы снова объявите меня безнравственным, генерал?

– Поосторожнее на поворотах, советник, – попросил Чубасов.

– А я и не думал сворачивать. И насколько целесообразной и своевременной для расследования убийства полковника Крыльникова оказалась отправка в отпуск Гринева – я тоже хочу знать.

– Вы получили максимум информации из того, что я мог вам предоставить. – На щеках Чубасова вновь зардел румянец. – И я прошу вас помнить, что в данный момент вы находитесь на приеме начальника милиции города. Генерал-лейтенанта, к слову сказать.

И он завис над столом, давая понять, что тема разговора исчерпана.

– Я знаю, знаю, кто вы... – прошептал Кряжин, равнодушно оглядывая двоих генералов. – Но тогда и я прошу помнить, что разговариваете вы не с «битым»³, а со следователем по

³ По традиции «законника», провинившегося перед преступным миром впервые, бьют по щеке на «сходняке». Провинившегося вторично бьют по ушам и низвергают, а за последующие проступки могут приговорить к смерти. Вор в законе, потевший авторитет, именуется «битым».

особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации. А потому докладываю вам как старшему по званию, хотя и не имею никакого отношения к носимой вами форме. Если сегодня к восемнадцати часам я не увижу в кабинете на Большой Дмитровке сотрудников вашего ведомства Гринева и Стоцкого, я гарантирую вам, что уже в пятнадцать минут седьмого на стол генерального прокурора страны ляжет мой рапорт, где я обосную ваше воспрепятствование мне в расследовании убийства полковника Крыльникова.

Генерал-майор Шульгин, видя, как Кряжин застегивает на пиджаке пуговицу и не торопится взять со стола папку, стал откровенно нервничать. Сейчас была как раз та ситуация, когда подчиненному лучше находиться подальше от начальника. Редко кто желает становиться свидетелем обоснованного наезда на шефа, которому возразить по сути нечего.

– До свидания, – попрощался Кряжин и вышел в приемную. Неторопливо накидывая на плечи пуховую куртку, бросил: – Антонина Алексеевна, ваш босс просто душка.

– Если бы было иначе, мне бы здесь нечего было делать, – бросила она и тут же была вынуждена прихватить с аппарата трубку: кто-то беспокоил приемную начальника ГУВД по городскому.

– Заряди за этим трюкачом пару ребят из своих, – сказал, подумав, Чубасов. Покусав дужку очков, он бросил их на стопку свежих газет. – И найди Гринева со Стоцким. Пусть зайдут сначала к тебе. Чувствую, что этот малый еще много дел нам наделает. Проинструктируй капитанов, о чем можно болтать, а о чем нет. Криминала никакого, а эти, с Дмитровки, представят все в своем свете.

– Уже, – молвил Шульгин.

– И пусть кто-нибудь съездит в казино. Если там хоть одна рожа вспомнит, что видела Крыльникова, то жить этому игорному заведению еще ровно два дня! Устройте там санитарный день, чтобы не было ни одного посетителя, пусть распахнут персонал в отгулы!

– Уже.

Чубасов посмотрел на заместителя глазами, полными сарказма.

– С тобой приятно работать, Шульгин, – развернувшись к окну, он похлопал ладонями по столу. – Ерунда какая-то получается. Вроде за репутацией ГУВД радеем, а получается, что уводим следствие от истины. Хотя в чем она заключается? Крыльникова явно не за четыре миллиона убили. За «Олимп» его убрали! За то, что накопил больше, чем следовало! Или ты иначе мыслишь?

– Мне даже в голову не приходило думать по-другому.

– Он так и не сказал, где данные его расследования по футбольному клубу, – пробормотал Чубасов, пытаясь хоть где-то опередить уже набравшую обороты прокуратуру в лице Кряжина.

– В последний раз мы созванивались с Андреем Николаевичем в семь вечера вчерашнего дня. Крыльников говорил, что готовит хороший материал, но будет в ГУВД лишь сегодня утром. Сообщил, что много незавершенных дел.

– Знаю я его дела! – рявкнул генерал, громыхая ладонью по столу. – Откуда у него джип предпоследнего года?!

«Он говорил, что друг в Германию уехал, а машину ему оставил», – хотел сказать Шульгин, но, посмотрев на ступку на столе, решил промолчать.

– Все, бля, норовите и рыбу съесть, и на санях прокатиться!.. Просрали дело «Олимпа»! Я тебя предупреждаю, Сергей Сергеевич! Если этот юркий с Большой Дмитровки и «мокрушников», и материал по клубу найдет раньше тебя, то пенсия твоя состоится с должности участкового в Теплом Стане! Хотя и генерал-майор. Понял?! С лампасами и папкой по территории ходить будешь, алкашей в райотдел водить! Набрал замов!.. Один по ночам в карты шпилит, второй... Поубивал бы!..

Шульгин по ночам в карты не «шпилил», на джипе не ездил, у него была скромная годовалая «девятка», а потому гнев генерала ожидаемо захлебнулся. Щелкнув зажигалкой, он пыхнул сигаретным дымком и попросил Шульгина сесть. Тот понял все правильно и доложил о мероприятиях, которые уже были проведены. Они представлялись как профилактика возможных устремлений нахрапистого «важняка».

– Двое из троих не в курсе, это чудаковатые малые, которых Чекалин хотел списывать по райотделам. Они и не навредят прокурорскому, и землю рыть не в состоянии. Третий – профи, мой человек.

– Дожились, – прохрипел Чубасов, вдавливая окурок в пепельницу так, что та жалобно скрипела по столешнице. – Следы путаем и луну крутим... Если бы я знал, что все так обернется, сидеть бы Крыльникову в своем Саратове до полной выслуги. – И он посмотрел на Шульгина так, словно это тот виновен в том, что начальнику ГУВД, спасая репутацию ведомства, приходится лукавить и глупить. – Столько лет создавал систему... Раскрываемость, профилактика – одни из лучших по стране. А ты попробуй организуй несколько десятков тысяч человек без военных полномочий!.. Стремно все это, Шульгин, позорно. Но и еще большего позора нельзя допустить. Меня министр сегодня вызывал, – взгляд генерала потускнел. – Сразу после его поездки в Кремль. В таком состоянии я его еще не видел. Могли, могли нам убийство отдать... – Он покачал головой и посмотрел по стенам. – Могли. Но не отдали. А потому нам нужно взять самим. Ты уж постарайся.

Шульгин постарается, он знал. Место первого заместителя начальника ГУВД все еще было свободным. С двух часов ночи тридцатого декабря.

Стены кабинета молчали. Лишь на одной равнодушно тикали ходики – подарок министра. Начальники почему-то всегда делают подчиненным такие подарки. Наверное, чтобы те помнили о том, что постоянно опаздывают. К новой должности, званию. Единственное, что подкрадывается незаметно и нападает неожиданно, как наркоман на старушку, получившую пенсию, это сама пенсия. И чем реже подчиненный опаздывает во время службы, тем дольше она не наступает.

– Собери мне всю группу Крыльникова, – уже спокойно сказал Чубасов. – Всех до единого следователей и оперов.

Казино «Эсмеральда», несмотря на название, встретило советника тоской и тишиной. На дверях висело наспех отпечатанное на принтере объявление «Извините, у нас санитарный день», стоянка подле входа была пуста, огни потушены, свет выключен.

Оставив «Волгу» скучать на обдуваемой со всех сторон парковке, советник прошел к служебному входу и нажал на звонок. Стоять на ветру занятие всегда малоприятное, а стояние на ветру при желании попасть внутрь вызывает раздражение. И Кряжин нажал на кнопку во второй раз.

Громыхнула какая-то дверь, клацнул запор, потом еще один, и стальная, обитая лакированной рейкой дверь приоткрылась. Сначала появилась коротко стриженная массивная голова, и еще до того момента, когда появился воротник униформы, похожей на одежду полицейских из Майями, Кряжин уже знал, что перед ним охранник.

– Генеральная прокуратура, – сказал советник. – Мне нужно внутрь.

– У нас закрыто, – поморгал представитель местной «секьюрити».

– Ты несообразительный, верно? Повторяю по слогам: Генеральная прокуратура.

Впустил. Но пошел следом, словно готовый в любой момент навалиться и задавить насмерть.

Вообще, думалось Кряжину, все это очень навязчиво, хотя и мило. Стоцкий в отпуске, мать Гринева одолел рак, а казино закрылось на санитарный день. Стоит сейчас повернуться к «быку» и спросить, где находится кабинет босса, как тут же поступит ответ, что тот улетел

в Сызрань на курсы повышения квалификации владельцев игровых домов. Или на чемпионат Европы по покеру.

– А где управляющий-то, братишка? – разглядывая пахнувший пластмассой зал, через плечо спросил советник.

– Он в санэпидемстанцию уехал, – вполне дружелюбно ответил тот и вдруг предложил пройти к администратору казино, некой Эмме Петровне. – Она всегда за главного остается, когда хозяин в разъездах.

Кряжин согласился.

Заочно представленной дамой оказалась вполне миловидная женщина лет тридцати пяти от роду, в сиреновой блузке, поверх которой на золотой цепочке прыгал знак Зодиака «козерог». Внизу стройную фигуру плотно обтягивали джинсы. Эмма Петровна мягко стучала пальцами по клавиатуре ноутбука, выставляя их вперед, словно переломанные, оттого «козерог», подкидывая то зад, то перед, скакал на ее тугой маленькой груди. Ногти, которые Эмма Петровна берегла при работе, были небесно-голубого цвета и столь длинными, что Кряжин не понимал, как, печатая так быстро, она не нажимает на все клавиши разом. Волосы женщины были собраны в аккуратный пучок на затылке, проницательный взгляд голубых глаз был устремлен на экран монитора, ножки в фиолетовых сапожках дробили шпильками по мраморному полу кабинета. У Кряжина силуэт женщины стал вызывать легкие приступы головной боли: не из оттенков синего цвета одежды Эммы Петровны был лишь черный бюстгальтер, явственно проступающий через тонкую материю блузы.

Типичный образ женщины-вамп явился взору Кряжина. Несколько перстеньков на ее тонких пальцах присутствовало, однако обручального кольца не было, это должно было означать, что женщина свободна.

– Эмма Петровна, к вам посетитель, – сообщил охранник и вышел сразу, едва взгляд ее голубых глаз указал ему на дверь.

– Хороший парень, – похвалил Кряжин, расстегивая куртку и усаживаясь на офисный стул напротив кресла женщины. – Некоторые женщины порою бывают настолько увлечены любимым делом, что даже не замечают, что в комнату кто-то входит. Не предупреди он сейчас, думаю, вы бы на меня не обратили никакого внимания.

Задвинув полку с клавиатурой под столешницу, женщина стала так же пристально рассматривать гостя, как тот недавно изучал хозяйку.

– Я бы не сказала, что это, – она кивнула на монитор, – мое любимое занятие. Вы кто?

Распахнув удостоверение, Кряжин услужливо положил его перед женщиной. Не прикасаясь к документу, она склонила над ним аккуратную головку на точеной шее и долго изучала содержимое.

– Вот как, – невозмутимо придвинув удостоверение к хозяину, она хмыкнула, и Кряжину показалось, что – делано-отчетливо. – И зачем я понадобилась нашей прекрасной Генеральной прокуратуре?

– Вообще-то не вы, хотя я не был бы столь категоричен в определениях своего ведомства. Направляясь сюда, я мечтал встретиться с хозяином и некоторыми людьми из персонала. Но сейчас вижу, что не о том мечтал. Ваши ногти настоящие?

– Игорь Викторович в СЭС.

– Да, я уже слышан, – кивнул советник. – А что случилось? Вши под сукном завелись? Или кто-то из клиентов накатал телегу, отравившись шампанским?

– Ногти накладные.

В этом кабинете ему нравилось. Эмма Петровна, по-видимому, обжила это помещение давно, и теперь каждая молекула воздуха была насыщена едва уловимым ароматом ее духов, названия которых советник не знал, но как мужчина чувствовал, что они женщине очень подходят. Книжки, дискеты, видеокассеты – все здесь имело свое, давно определенное место. Загляни

он сейчас в сумочку, что стояла на столе приоткрытой, – и там, наверное, был такой же гвардейски установленный порядок. Женщины такого типа не любят, когда кто-то крадет их время, не любят ни слушать, ни давать пустых обещаний и, что совершенно точно – не падают в кровать, взваливая на себя малознакомое тело противоположного пола.

– Сегодня утром пришли двое, составили акт, велели закрыть заведение и вызвали Игоря Викторовича к себе.

– На этих мерзавцев совершенно нет управы, – неожиданно поддержал посетитель. – Эти летучие бригады беспредельщиков настоящая угроза для честного бизнеса Москвы. Сейчас Игорю Викторовичу, наверное, придется давать взятку. А я так рассчитывал застать его в хорошем настроении и при холодном рассудке.

– Все, что знает Гаенко, знаю и я, – чуть играя глазами, заметила Эмма Петровна. – Возможно, я знаю даже больше. А потому спрашивайте, не сомневаясь. Постараюсь быть откровенной. Давайте, я догадаюсь. Вы здесь по поводу убитого неподалеку отсюда какого-то милиционера?

Кряжин иронично потупил взгляд.

– Вот вы говорите – постараюсь быть откровенной. И тут же пытаетесь ввести меня в заблуждение. Эмма Петровна, Андрей Николаевич Крыльников был постоянным клиентом вашего казино, и говорить о нем в неопределенной форме с вашей стороны просто легкомысленно. Людей, которые каждый раз уходят из чужого дома и уносят с собой по тысяче долларов, хозяева этих домов не забывают. А уж после того, как они уволакивают из заведения мешок с деньгами... – Советник рассмеялся. – Прямо-таки не хочется верить в то, что вы, не установив всех полных данных человека, собирались вручить ему четыре миллиона долларов.

– Почему – «собирались»? – удивилась женщина. – Вручили. Однако установление места работы клиента не входит в компетенцию нашей службы безопасности. А потому я с вами абсолютно откровенна. Людей в форме и с автоматами я здесь видела часто, но в рулетку они не играли. Все больше разобщали организованные преступные группировки и искали наркотики.

«Не прокатило», – не огорчился Кряжин. Примерно подобное он и ожидал услышать, но не думал, что женщина устоит даже тогда, когда он попытается ее провести. Однако разговор только начинался, и времени на «прокачку», которая уже началась, хватало с избытком. Он был твердо убежден, что теперь, после быстрой смерти игрока, руководство казино в любом случае будет уверять всех, что выигрыш уплачен. Это могло быть правдой, могло правдой и не быть, однако теперь уже никто не шепнет следователю на ушко: «А денежки-то Гайка Крыльникову не выдал! Обещал утром, по его же просьбе, но не выдал!» А теперь авторитет казино только усилится: и клиент вознагражден, и игровой дом финансово не пошатнулся.

– Он так и ушел, с мешком?

Эмма Петровна мягко улыбнулась. Даже не улыбнулась, а просто опустила вниз уголки губ и чуть прищурилась. Мужчина ей нравился. Было в этой улыбке что-то располагающее и в то же время держащее на расстоянии. Как в лице Джоконды, о которой до сих пор ходят слухи – улыбается или не улыбается? И вообще, она это или он?

– Такие суммы выдаются чеками, господин следователь.

– Можно просто – Иван Дмитриевич, – предложил Кряжин.

– Деньги выдаются чеками по желанию клиента, Иван Дмитриевич. – Она доброжелательно наклонила голову набок. – Либо перечисляются на счет клиента. Опять же по желанию.

– А Крыльников пожелал чек? – уточнил Кряжин.

– Совершенно верно.

– И чек был тут же выписан ему господином Гаенко?

– Полная правда.

– И как часто сотрудники ГУВД выигрывают у вас такие суммы?

– Если под «такой суммой» вы имеете в виду джек-пот, то на моей памяти администратора это случилось во второй раз за восемь лет существования казино «Эсмеральда». Обычная статистика для игровых домов мира. Однако были ли те счастливицы сотрудниками ГУВД, мне, повторяю, неизвестно.

«Ей хватает ума не делать то, что сейчас обязательно сделал бы мужик. Он заявил бы мне, что не выходит из этой комнаты до окончания работы, а потому ничего не видит и не слышит».

– Правда полной не бывает, Эмма Петровна, – вздохнул Кряжин, воровато вынимая из кармана сигареты. Встретив поощрительный кивок головы, стал выцарапывать из пачки сигарету. – Она либо есть, либо ее просто нет.

Она курила – и это было странно. Откуда-то из-под стола появилась пепельница с тремя окурками сигарет с белым фильтром, а между тем в воздухе даже не пахло дымом. Ответ нашелся быстро. Едва от двух сигарет отделилось по облачку, администратор включила вентиляцию. И Кряжин даже перестал чувствовать вокруг себя знакомый табачный аромат.

Справляться о местонахождении Кости Туза он не стал. Это было бы непростительной глупостью. Задай он сейчас этот вопрос, Туза он мог бы уже и не найти. Слишком большие деньги поставлены на кон. Возможно, Туза и без этого вопроса уже нет в городе, а быть может, и в живых, – он, бесспорно, стоит меньше четырех миллионов долларов. Однако пока это не установлено фактически, пусть остается маленький, но шанс. Кряжин начинал понимать, почему Гаенко «в СЭС», а под него подставлена эта женщина. Администратор казино – исключительно мужская профессия. И не каждый удержится на такой должности восемь лет. Мисс Эмма держится, и, как можно догадаться, крепко. Значит, есть за что держать. И за что держаться – тоже. Игорь же Викторович фигура, по-видимому, не самая сильная, что дает все основания думать – фигурой он является исключительно штатной. Зиц-председатель. Таких ищут в среде неудачников, которым на вопрос о месте работы нравится бросать мимоходом: «Да так... Управляющий казино». И сейчас это стало находить свое понимание у следователя.

– Почему вы молчите? – поинтересовалась она, сладко приобщаясь к тонкой сигарете. Есть женщины, которых совершенно не портит вид их сжатых в затылке губ.

– Пытаюсь понять, в чем разница между администратором казино и его управляющим, – изложил ход своих мыслей советник.

– Вам не кажется, что это помещение – не самое лучшее место для откровенных бесед? И она посмотрела на Кряжина столь простодушно, что он пожевал губами.

– Я могу предложить вам кофе? – уточнила она.

– Быть может, лучше сразу потанцуем?

– А вы умеете быть хамоватым.

Кряжин потушил сигарету о край пепельницы.

– Мне нельзя кофе. Давление. Сразу хочется лечь и начать говорить глупости.

Она наконец-то улыбнулась:

– И этим, наверное, пользуются многие представительницы моего пола?

– Не представляю, как можно представительницам вашего пола пользоваться представителями моего пола, способными только лежать и глупить.

Через полчаса они оказались в кафе «Шариот», самом дорогом кафе Москвы, которое только знал Кряжин.

Ему принесли чай, ей – терпко пахнущий кофе «арабика». «Козерог» больше не взбрыкивал, все больше стоял в стойле и мирно шевелился в такт движениям ее груди. Она перенесла из казино за столик аромат духов, и все, казалось, было по-прежнему, за исключением отношения к следователю. Здоровалась администратор со следователем Генеральной прокуратуры, а разговаривала теперь с мужчиной, который ей определенно нравился. Кряжин заметил это, однако сей факт не означал, что он станет свидетелем превращения изворотливой дивы в праведную деву. Но об изменении отношения говорило все. И эти редкие движения, когда поправ-

ляла лямку бюстгальтера, и едва уловимый блеск глаз, и румянец, выступающий на щеках. Как бы по-гвардейски ни была упакована сумочка женщины, ее хозяйка все равно останется женщиной. Ей естественно нравиться сильному мужчине, пытаться делать из него слабого и принадлежать. Феминистки лгут, уверяя о равенстве прав и обязанностей между ними и мужчинами. Вернувшись с демонстрации, они открывают шкаф, чтобы найти самые сексапильные трусики – к пяти у них будут мужчины. Если феминистки хотят мужчин, то они не станут о трусиках размышлять как о праве. Они отнесут это скорее к обязанностям, будучи уверенными в том, что их мужики выбирать себе трусы для встречи не станут. Тем на это наплевать.

– Вы спрашивали, чем администратор отличается от управляющего, – напомнила она, вернувшись из уборной, о необходимости посещения которой говорила пять минут назад.

– Я не спрашивал. Я отвечал.

Она улыбнулась уголками глаз.

– Хорошо, пусть так. Но вас это интересует. Постараюсь объяснить. В функции Игоря Викторовича входит организация внутренней и внешней политики игрового дома. Я же отвечаю исключительно за обеспечение казино всем необходимым, в том числе и кадрами. Распорядок работы, правила и даже лампочки под потолком – это мой круг обязанностей. Если в баре не окажется «Хеннесси» в тот момент, когда его потребует клиент, неприятности будут не у бармена. И не у Игоря Викторовича. Они свалятся на мою голову. Если под клиентом сломается стул, то отвечать за это, как ни странно, буду я. Но подобные необоснованные претензии к моей особе меня вполне устраивают, потому как заработная плата, получаемая мною, компенсирует эти неудобства сполна.

– Теперь я даже боюсь спрашивать о круге обязанностей Гаенко, – буркнул Кряжин, рассматривая зал в тот момент, когда она в очередной раз поправляла на плече лямку. – В смысле – о его заработной плате.

Да, сказала она, Гаенко отвечает за все. И за сломанную ножку стула в том числе. Потому что он управляющий. Но в отличие от Эммы Петровны у него есть с кого за это спросить – с Эммы Петровны. А еще он полностью контролирует бухгалтерию казино, к чему она доступа не имеет априори. Теперь следователю Ивану Дмитриевичу все понятно?

– Кроме одного, – заметил Кряжин. – Что следует подразумевать под «внешней» политикой «Эсмеральды». Не организацию ли деятельности «лохотронщиков» на рынках столицы?

Она рассмеялась, заказала себе (советник отказался) белого вина, ей принесли. И рука ее с длинными синими ногтями на тонких пальцах, держащая хрустальный фужер, почему-то показалась Кряжину дланью гарпии, обхватившей чью-то безвольную шею.

– Вы удивительно милый человек, Иван Дмитриевич, – сообщила она советнику новость. – Непосредственный. Просто удивительно, как вы работаете в таком ужасном ведомстве, как прокуратура.

Кряжин рассмеялся – уже давно было нужно.

– Ваше мнение о прокуратуре меняется в прямой зависимости от мнения обо мне. Чем более я для вас мил, тем ужаснее прокуратура. А совсем недавно вы глядели на меня с нескрываемой неприязнью, и та же самая прокуратура казалась вам прекрасной. – Немного отвалившись на стуле, ровно настолько, чтобы не казаться развязным, Кряжин оглядел спутницу весьма пристально. – Между тем я не настолько непосредственен, как вам показалось. И для вящей откровенности между нами в будущем, а также для предупреждения с вашей стороны женского лукавства готов даже кое-что вам продемонстрировать из своих наблюдений.

Глаза ее сверкнули любопытством, которое появляется у людей, застигнутых врасплох. А потому на этот раз она поступила так, как сделала бы любая женщина, и Кряжину это, произошедшее впервые с начала знакомства, доставило удовольствие. Она широко распахнула ресницы и спросила:

– Какого лукавства?

«Не – «каких наблюдений», что выглядело бы более резонно при отсутствии лукавства, а – какого оно», – отметил Кряжин, наблюдая за тем, как она пытается вернуться на исходные невозмутимые позиции.

– До того, как попросить у официанта вина, вы что-то искали в своей сумочке, а когда нашли, продемонстрировали мне платок, которым вытерли уголки губ. Через три минуты вы извинились, вышли в уборную, а когда через пять минут оттуда возвратились, из правого кармана ваших джинсов выпирал какой-то предмет. Я смею предположить, что это мобильный телефон, и готов поклясться, что в вашем кармане его не было, когда мы пришли в кафе. – Кряжин насмешливо улыбнулся. – Только не спрашивайте, почему я готов поклясться. Помимо того, что я следователь, я еще и мужчина. Так вот, насколько мне помогает мой мужской ум, женщины не носят телефоны в карманах узких джинсов, потому как джинсы эти предназначены именно для того, чтобы подчеркнуть безукоризненность фигуры. Однако даже если это не панацея, то женщина все равно не станет носить телефон в кармане. Особенно зимой. Тем более, деловая. Хотел бы я посмотреть на улице на поведение этой деловой, когда каждые пять минут под полами ее длинной шубы будет пиликать трубка. Иначе говоря, в сумочке вы искали не платок, а телефон. Проще говоря – пытались меня провести, постоянно заявляя о том, что предельно откровенны.

Она допила вино и поставила бокал на скатерть. Удивлена она не была. Скорее разочарована.

– И что из этого следует?

– Из этого следует: уходили вы не для того, чтобы припудрить нос, а позвонить. И позвонить тому, кого я знаю, и на общую для нас тему. Только в этом случае вам было бы невыгодно мое присутствие. Если учесть, что мы с вами только познакомились и у нас не может быть общих знакомых, разговор с которыми мог бы поставить вас в неудобное положение передо мной, я делаю вывод, что вы звонили Гаенко. Он единственный, кого мы знаем оба.

– А вам не приходило в голову, что я могла звонить своему гинекологу? – отрешась от высокого, бросила она.

– Нет. – Кряжин щелкнул по ручке чашки, и она со скрипом провернулась на блюдце. – Потому что, к примеру, мне самому в данной ситуации даже в голову не пришло бы звонить своему урологу.

– Даже если на момент встречи со мною у вас был назначен прием?

– В этом случае я позвонил бы при вас и сказал: «Сан Саныч, вы не могли бы перенести прием на час?» И вы тут же подумали бы, что я опаздываю к генеральному прокурору. Эмма Петровна, не пугайтесь, я не стану вас расспрашивать о содержании вашего разговора. Придет время, и мне об этом поведаете если не вы, то Гаенко. Я просто возвращаюсь к теме, которую вы сначала, не подумав, огласили, а после, спохватившись, решили от нее уйти. Так что в «Эсмеральде» называется «внешней» политикой?

Она стала прежней. Холодный блеск глаз, мраморный цвет лица бизнес-леди, размеренность движений.

– Если вы ожидаете услышать что-то необычное, не вписывающееся в рамки понимания обычного человека, вы ошибаетесь. – Она покрутила салфеткой, как веером. – Внешняя политика – это привлечение в казино состоятельных юбиляров с компаниями, представителей деловых кругов для завязывания связей. Приглашение известных людей для вживления в них привычки всякий раз, когда они выезжают в город в поисках развлечений, возвращаться в наше казино. Однако ничего криминального или просто нарушающего принципы нравственности в этом нет.

Закончив этим, она забрала с колен сумку и принялась снова что-то искать.

– Конечно, нет, – согласился Кряжин, отодвигая от себя пустую чашку и исподлбывая наблюдая, как женщина водит помадой по губам и играет ими, как при поцелуе. – Если только

вырабатывание этой привычки не несет цель коррумпировать все вышеперечисленные категории для достижения руководством казино своих частных целей.

Она вынула деньги, но Кряжин ее опередил. За свой чай он всегда платил сам.

Он предложил прокурорскую «Волгу» в качестве такси, однако между черным и желтым Эмма Петровна выбрала последнее. Быть может, в силу вживленной в нее привычки подчиняться внутренней политике заведения – не общаться с прокуратурой не в интересах организации. Поездка на служебной машине Генеральной прокуратуры, то есть – услуга личного характера, в интересы организации не входила. Однако не исключено, что это произошло просто из-за привычки Кряжина не торопить события.

Через сорок минут советник был в оперативно-информационном отделе Генеральной прокуратуры.

Глава третья

Желание выйти из автобуса застало оперуполномоченного уголовного розыска ГУВД Гриневу в тот момент, когда он уже почти в него вошел. На автовокзале Воскресенска было необычнолюдно. Кто-то торопился попасть в Москву до праздников, кто-то, наоборот, торопился приехать, и от встречающих рябило в глазах. Здесь же расположилась и группа болельщиков «Химика», возвращающегося с гостевого матча из Новосибирска. Потенциальные пассажиры, встречающие и провожающие курили, выпивали, поглядывали на осуществляющие «каботажное плавание» патрули, разговаривали, и разговоры те, сливаясь воедино, превращались в непрерывный гул.

Гринев взошел на первую ступеньку автобуса, и в этот момент его посетило чувство незащитности, которое теперь будет преследовать его каждую минуту, пока он в течение нескольких часов будет занят изучением пейзажа до Костромы за окном. Ему велели выехать за пределы области и на месяц заняться приятными для себя делами, однако мысль о том, что покинуть область он будет в просматриваемом насквозь автобусе, уверенности ему не добавила. Странно, что он не подумал об этом, когда покупал в кассе билет. Ему вообще не улыбалось покинуть Москву. И в тот момент, когда он взошел на подножку автобуса, он принял окончательное решение.

Москва большой город, и найти в ней человека, который знает, как стать невидимым, трудно. Манеры тех, кто будет его искать, если вообще те искать его будут, ему хорошо известны. Так зачем, спрашивается, ехать туда, куда не хочется, и испытывать те же чувства, что он будет испытывать в Москве?

В столицу!

Билет нужно скомкать и выбросить. Деньги были, и это был как раз тот случай, когда экономия могла дорогого стоить. Он спрыгнул с подножки и посмотрел по сторонам.

Вынул телефон, задержал взгляд на табло. До шести, то есть до того времени, к которому ему было велено исчезнуть из города, оставалось менее двух часов. Но этих ста сорока минут все равно достаточно. Хватит на то, чтобы в Москву вернуться и там раствориться.

Выбравшись из толпы, он вытянул следом сумку и направился к стоянке частников.

– Командир, – тут же приклеился один из них, – иду в Москву, народ собирать некогда. Дома неприятности. За полцены поедешь? Мне все равно прямо сейчас ехать, так не порожняком же!

Сговорившись за треть цены, хотя в этой ситуации Гринев заплатил бы два счетчика, он сел на переднее сиденье, и белый «Фиат» с желтой светящейся призмой на крыше выехал с вокзала. Водитель ехал молча – спасибо ему за это. Видать, неприятности дома были действительно большие. Музыка между тем играла – сервис есть сервис, и Гринев, чуть прислушившись на спинке сиденья, размышлял о том, как вернется и чем займется в первую очередь.

«Главное – не дать возможности понять, что я рядом...»

И в этот момент сыщик почувствовал легкое волнение. Музыка, игравшая в салоне чисто и ясно, вдруг начала давать легкие сбои. Едва уловимые ухом шорохи врывались в куплеты уголовных бардов и придавали им качество записи, сделанной на концерте. Это происходило в считанные секунды, после чего радиоло снова посылала в динамики за спиной звуки невиданной чистоты.

Размышляя, что может являться причиной такого фона, Гринев машинально откинулся назад и посмотрел под панель «Фиата». Если бы он сейчас увидел радиостанцию, стационарно вмонтированную под ящиком для перчаток, он бы успокоился. Рация в такси – дело привычное. Однако рации не было. Таксисту ее маскировать незачем. Братья же менты стационарные автомобильные радиостанции маскируют, однако фон, выдаваемый ею на радио, несравненно

выше. Иначе говоря – в машине стояло очень дорогое переговорное устройство, на покупку которого МВД никогда не решится. Оставались бандюки, и теперь для Гринева в совершенно новой редакции слышались слова «таксиста» о том, что он нажил дома проблемы и пассажиров в этой связи брать не хочет. Где причинно-следственная связь между домашними неприятностями и нежеланием заработать? Если у него дома отдаёт концы жена, то таксист уже давно мчался бы по шоссе, забыв о попутном «грузе». Если же смерть дома никому не грозит и это на самом деле просто неприятности, тогда почему бы еще не потолкаться на вокзале с четверть часа и не заработать в три раза больше?

И как-то так же неожиданно пришло в голову, что МВД «Фиаты» для работы не использует. Равно как и бандюки. Гринев работал опером добрый десяток лет и ни разу не встречал криминально озабоченных типов, которые куражились бы на предках «Жигулей». Практицизм милиционеров и их антиподов заставляет выбирать машины помощнее в ущерб другим идеям. Вот Гринев догадался. Почему же другой не догадается? Но МВД все равно не будет закупать «Фиаты» для работы. Тот случай, когда практицизм побеждает тонкость оперативного мышления.

Вот тебе и съездил по просьбе начальника за область.

Дальнейшие мысли опера прервал сам водитель. Через минуту, километров за двадцать до МКАД, он сбросил скорость и стал прижимать машину к кювету.

– «Коней привяжем»?

Гринев был не против. Два стаканчика горячего кофе давали о себе знать еще в начале пути, но он решил повременить и дожидаться Москвы. Сейчас же выходило, что инициатором остановки был не он, а водителю отправлять естественные надобности не запретишь. Почему же тогда не воспользоваться случаем? Заодно и подумать на свежем воздухе.

Выйдя, он хлопнул дверцей и пристроился справа от таксиста.

Водитель, что неудивительно, управился быстрее и, крикнув что-то напоследок про мороз, зашагал по снегу за спину Гринева.

«Ничего не понимаю, – думал опер. – Зачем кому-то ИМ везти меня в Москву? Неужели ОН мог на такое решиться?»

Это было последнее, о чем он вообще подумал. Развернувшись и поправляя одежду, он увидел перед собой сначала знакомую серую куртку водителя. Потом его лицо. На лице том уже не было ни искорки веселья, а глаза блестели стальным отливом. И только сейчас Гринев увидел предмет, мешавший его зрению иметь полный обзор перед собой. Водитель был правшой, и пистолет, зажатый в его руке, почти утыкался в левую бровь оперативника.

– Что за ерунда? – пробормотал московский милиционер, начиная догадываться о том, что до Москвы его везти никто и не собирался. И он вдруг успокоился. Легкий мандраж исчез, потому что теперь волноваться уже не имело смысла.

Сам виноват. Вместо того чтобы предаваться стратегическим раздумьям на вокзале, нужно было повнимательнее прислушиваться к чувству собственной опасности. А это главное чувство, что ведет сыщика с первого дня его службы до самой пенсии по выслуге лет.

– Что нужно сделать? Пусть ОН скажет, я сделаю.

– Где сейчас Стоцкий?

– Стоцкий? – выигрывая время, удивился Гринев. Значит, все правильно... Сейчас вопрос решится с ним, Гриневым, а после они уберут Стоцкого. Теперь сомнений в том, кто организатор этой акции, не было. – Откуда я могу знать, где Стоцкий? Однако уверен, что не в Казани, не у постели матери, которую прихватил рак. Я сразу говорил, что эта легенда ни к черту.

Свой «ПМ» Гринев сдал в комнату для хранения оружия ГУВД еще утром. Милиционерам, даже с правом постоянного ношения, не позволено убывать в отпуск с табельным пистолетом. Но кто заставит Гринева не брать с собой в отпуск другое оружие? Он потому и не летает

на самолетах последние два года, с тех пор как начал сопровождать Крыльников. В поездах и автобусах не заставят вывалить на стол все металлическое, а вот в терминале аэропорта непременно принудят расстегнуться и сдать четырехзарядный дамский «браунинг». Крошечный, почти смешной, 1915 года выпуска. Для отражения нападения СОБРа или погони со стрельбой он, понятное дело, не годился. Но вот для марша в предвидении встречи с противником просто незаменим.

– Последний раз спрашиваю – где Стоцкий? – ледяным голосом повторил водитель... хотя, какой он водитель? «Такой же, как и я – полумент, полубандит...» – пронеслось в голове Гринева.

– Не знаю я! – вскричал сыщик. – Не знаю!..

Видя полное недоверие к себе, он наморщил лоб и в отчаянии несколько раз встряхнул руками. И на третий раз, когда его уже трудно было заподозрить в желании оказать сопротивление, в горячую ладонь оперативника ГУВД влетел смешной «браунинг», закрепленный в левом рукаве на резинке.

Звук выстрела, как треск переломленной хворостины, был тут же унесен ветром в поле. То же ожидало и второй выстрел. Лишь пули, пробив одежду водителя с неопределенным прошлым, но уже четко предугадываемым будущим, вошли в его тело и застряли – одна в животе, вторая на сантиметр ниже сердца.

Затянув еще живого водителя-оборотня в «Фиат», Гринева растер ему лицо снегом, прихваченным тут же, под распахнутой дверцей, и сам превратился в ледяное спокойствие.

– А теперь спрашивать буду я. Кто послал?

С губы водителя сползла густая, похожая на густой кетчуп, жижа. Он повернул к оперативнику глазные яблоки тяжело, словно те тянулись на таких же резинках, на какой был закреплена «игрушка» его убийцы.

– Отвечаешь – и я везу тебя в больницу. До нее осталось километров двадцать, не больше. Пока молчишь, мы стоим.

– Жжет внут...ри...

– Кто послал?

Подсказывать фамилию не хотелось. Он был слишком для этого опытен и знал, что умирающий от боли человек согласится сейчас со всем, что он ему скажет.

– На вокзале ты подошел ко мне и предложил подбросить. Еще через полчаса ты собирался меня убить, – откинув крышку ящика, он с улыбкой посмотрел на дорожную портативную «Rednex», вмонтированную в стенку. – У тебя в машине прилада ценою в штуку баксов, а потому она никак не милицейская. Браток, назови фамилию того, кто велел тебе убрать меня, и я еду к врачам.

Глаза раненого мутнели, и Гринева, как опытный сыщик, понял, что ответа уже не последует. Наступала кратковременная кома, обещавшая перейти в биологическую смерть уже через несколько минут. Времени ждать этого никому не нужного конца не было.

Он вышел из машины, обошел ее и вытащил с пассажирского сиденья еще живое тело. Дотянул до кювета, столкнул вниз, спустился сам и ногами завалил темнеющий в сумерках бугор снегом.

Призма на крыше была, конечно, липовая. Отлепив магнит и выдернув провода, заставляющие прозрачный многогранник светиться, Гринева бросил ее на сиденье и тут же тронул с места. Выждав, пока мимо него промелькнет пятый столбик километрового указателя, опустил стекло и зашвырнул призму за обочину.

Еще час назад он собирался покинуть Москву на месяц, пока не утрясется вопрос с Крыльниковым. Сейчас становилось ясно, что с Крыльниковым вопрос положительно никогда не решится. И разница между сегодняшним возвращением в столицу и возвращением через месяц заключалась в том, что сейчас оставался шанс решить этот вопрос самому.

Но никак не в этом направлении к МКАД. Дураку ясно, что там его ждут. И Гринев, чуть сбросив скорость, веером развернул посреди дороги машину. «Для бешеной собаки сто верст – не крюк», – пробормотал бескровными губами и вжал педаль подачи топлива в полик.

За сорок минут до того момента, когда лжетаксист остановил «Фиат» на продуваемой насквозь трассе Воскресенск – Москва, оперуполномоченный ГУВД Стоцкий пробрался сквозь суету Казанского вокзала, зашел в комнату дежурного по станции и с его помощью купил билет на поезд до самой Казани. Его мать болела уже два года, врачи предсказывали кончину еще полгода назад, но женщина продолжала жить. Тот случай, когда ошибочное мнение врачей приносит только радость. Но Стоцкий отправлялся не к ней. И не к кому-то конкретно. Он на несколько недель убирался подальше от Москвы, как ему и было велено.

До отправления поезда оставалось каких-то сорок минут, и Стоцкий вышел на перрон, чтобы в последний раз подышать перед вагоном, пахнущим химией и влажным бельем. Купил в киоске пачку сигарет, выпил кофе, бросил в сумку пару газет – одну с кроссвордами, другую из разряда «желтой» прессы – хорошо отвлекает, когда не хочется думать о дне сегодняшнем, и стал ждать подачи к перрону фирменного.

Через четверть часа, когда на крутом повороте подъездного пути появилась голова состава, к нему подошли.

– Стоцкий?

Покрепче прихватив сумку и быстро оценив двоих мужчин лет сорока на вид, интересующихся им, оперативник ГУВД процедил сквозь зажатую в зубах сигарету.

– Кто спрашивает?

Пока цедил, заодно оценил и тактический порядок построения мужчин. Руки в карманах, первый стоит перед ним. Второй чуть сзади, выступая на две трети корпуса и вполоборота. Если Стоцкий и Гринев, работавшие в одном отделе уголовного розыска ГУВД кого-то задерживали без применения принципа «жесткого задержания», они располагались перед фигурантом точно так же. Это отличительная черта всех людей из ГУВД, с Петровки или с Лубянки. Это неписаный закон для всех, кто служит сыску. Их никто никогда не учит так вставать, опыт приходит с годами, как жизненная необходимость. Если фигурант начнет производить действия, то при таком построении боевого порядка он сможет направлять их лишь в отношении того, кого видит перед собой.

– Пройдемте с нами, – сказал один из мужчин и, видя нежелание выполнять просьбы подобного характера, добавил: – Не стройте иллюзий и не пытайтесь проверить, кто из нас троих быстрее бежит. Быстрее всех в Москве это делает он. – И мужчина кивнул в сторону напарника. – А я быстрее всех в Москве вынимаю пистолет из кобуры.

С ним разговаривают. И, по меркам задержания, разговаривают чересчур много. Хотели бы «сломать», сделали бы это в два счета. Наверняка их не двое – двоих видит он, Стоцкий. Начнись куча-мала, нарисуются еще столько же. Значит, «ломать» его нет необходимости, нет такой задачи. Задача взять и привезти. Куда – пока неясно.

– Быть может, представитесь? А то у меня рука чешется свисток из кармана вынуть.

– Как только вынешь, я сразу ее почешу. ФСБ.

И Стоцкий рассмотрел через клубы выдыхаемого им пара удостоверение, подтверждающее слова мужчины.

– Куда идти?

Через полчаса оперуполномоченный ГУВД был на Большой Лубянке. Еще через полчаса – на Большой Дмитровке. Хотя сам Стоцкий сейчас с удовольствием поехал бы на Малую Якиманку, в собственную квартиру.

Необыкновенно хороша Москва в предновогоднюю ночь. Если повезет и будет возможность оказаться над нею в самолете в ту пору, когда небо будет чистым, то создается вполне реальная картина приземления на планету вечного праздника. Мириады огней, алмазные нити дорог, блистающие иголочными остриями автомобильных фар, сменяющаяся активная реклама – все это направлено в лицо человека, наблюдающего за этой картиной через иллюминатор авиалайнера.

Празднику быть. Нынче после бани не посадишь на рейс пьяного, да еще с веником. Нынче на него трудно попасть трезвому с документами. Но тот, кому удалось пробраться на борт самолета, отправляющегося в Москву в предновогоднюю ночь, забудет и об унижении, связанном с разуванием и раздеванием в терминале, и об обнюхивании спаниелем на поводу хмурого таможенника, и о синтетической курице в горячей фольге. Еще более сильное впечатление испытает тот, кому повезет приземлиться. Он попадет в эпицентр событий, в самое жерло вулкана человеческой радости, именуемого предпраздничной суматохой. Именно сейчас, когда до знаменитого тоста «С Новым годом!» остаются сутки, не только москвичи, но и все жители страны начинают понимать, что еще живы, несмотря на то что во двор зашел, отворив калитку, 2005 год. Раньше ждали 80-х, дабы подивиться сияющим вершинам коммунизма, среди них 1985-й – конец света, потом 2000-й как гарантию крыши над головой каждой семьи. Но с начала 90-х все всё поняли и просто стали встречать Новый год, не помечая его конкретной исторической вехой. Бессмысленно. Главное, за спиной 2000-й: гарантий никаких, однако немногим дано было родиться в одном тысячелетии, а скончаться в другом.

Москва живет по тем же принципам, что и остальные города России. С утра – отметка на работе, и весь день толчея в магазинах в поисках подарков знакомым, близким, друзьям. Ночь перед тридцать первым декабря наиболее замечательна, потому что подробности новогодней ночи вспомнит редкий человек – все больше закодированные да гипертоники, а вот с тридцатого на тридцать первое, в промежуток времени, когда еще и год не прошел, и еще не праздник, стоит и о будущем подумать, и итоги кое-какие подвести, и план на следующий год наметить.

Словом, самое живое время для страны и в ней живущих – это ночь с тридцатое на тридцать первое декабря.

В новый год нужно войти обязательно без долгов, в любви, благополучии и с радостной невесомостью на сердце. Лучше всего для этого, конечно, «заказать» знакомого, мешающего все это чувствовать. В стране нет ни одного человека, который не был бы обязан другому человеку, который, в свою очередь, обязан третьему, а тот – четвертому. Но волею судеб очень часто случается так, что первый, с которого вся эта каша, собственно, и заварилась, оказывается кредитором того, кто эту кашу заварил. И если раскидать все долги в цепочке по порядку, то очень скоро выяснится, что долгов никаких нет, а есть только мифический навар, который человек сам себе придумал и возвел в квадрат. Им бы всем «набить стрелу», перетолковать да погасить виртуальные проценты, платить которые друг другу все равно никто не собирался. Но нет, истина, как сказал какой-то козел из тех времен, когда Италия была еще просто Римом, рождается в споре. Сказал гад, научил и помер. А поскольку процесс познания истины находится в причинно-следственной связи с количеством мозгового вещества в черепных коробках спорщиков, то самый короткий путь к истине для многих – лишить оппонента мозгов.

Хороша московская ночь, предшествующая новогодней. У милиции «усиление», у братвы «усиление», у должников тремор, у казино – прибыль.

Первая кровь окропила пол «Эсмеральды» ровно в полночь. В половине первого предновогодней ночи пролилась и кровь управляющего казино Гаенко Игоря Викторовича, а стены его офиса были забрызганы мозгами. Последняя неделя старого года далась управляющему особенно тяжело. В последние дни он вообще перестал понимать, что происходит. За одно и то же его сначала похвалили, потом запугали, а после, чтобы больше на глаза не попадался, пришли убивать.

Без пяти минут двенадцать в казино вошли двое. Их, как старых знакомых, пропустили без досмотра, и они принялись делать то, зачем пришли. Молча выпили у барной стойки по бокалу пива, дождались, пока сияющий, как предновогодняя елка, Гаенко поднимется к себе из зала, после чего последовали за ним. Этот марш останется незаметным, так как на втором этаже находится не только офис управляющего, но и бильярдная с маленькой закуской, где к рюмке водки подают фирменную закуску – только что вскрытую мидию с тремя глазками маслянистой красной икры и веточкой петрушки. На второй этаж подниматься вольны все, кто пожелает, но вот войти в офис управляющего любому желающему невозможно. За стеклянными дверями, в крошечном фойе, зеркальном снаружи и прозрачном изнутри, стоит охранник с большой, коротко стриженной головой и в форме полицейского из Майями. Он никого никогда не выпустит к управляющему, если только этого не пожелает сам начальник. Без спросу сюда входит лишь Эмма Петровна – она в казино за администратора – и несколько человек из крупье.

А потому этих двоих охранник впускать не собирался. Но пропустил, поскольку исполнять служебные обязанности с печенью, насквозь проткнутой заточкой, невозможно.

Входом в его вотчину знакомых людей Гаенко был крайне удивлен. Во-первых, именно они прошлым днем сказали ему, чтобы он уезжал из города этой ночью, то есть разговор закончен. Во-вторых, в руках одного из них была длинная заточка квадратного сечения, и теперь он старательно вытирал ее о куртку Гаенко на вешалке. Кто-то недоволен тем, что он не уехал? Но, ребята, ночь еще не закончена, а ему не говорили, что ему следует покинуть город сразу, как она начнется.

– Вот сволочь, – пробормотал тот, что стоял у вешалки. Он раздосадованно посмотрел на лезвие своего оружия и бросил его в стоящую рядом урну. – Кончик обломился. В позвоночник, наверное, угодил.

– В чем дело, ребята? – Управляющий Гаенко стал испытывать тревогу. Она пригибала его к паркету. Перчатки одного из гостей, залитые кровью, вызывали у него страх.

Вместо ответа он получил вопрос, но перед вопросом получил в лицо.

– Где сейчас Туз? – спросил второй, усаживаясь на край стола.

– Туз? – не понял управляющий, зажимая хлещущую из ноздрей кровь. – Это Костя, что ли? Понятия не имею. Я сам бы хотел...

Договорить не успел – пришлось переломиться пополам и сразу после этого начать искать губами свежий воздух.

Некоторое время в кабинете висела тишина. Лишь в коридоре раздавался звук, происхождение которого сидящему на полу управляющему было непонятно. Словно кто-то часто и тихо дробил рантом ботинка по паркету.

Вечером он решил – ехать из города подальше. Из обстановки, которая начала складываться вокруг казино, становилось ясно, что самое интересное для следствия и неинтересное для него, управляющего, только начинается. Уезжать он решил утром, а перед отъездом еще чуть-чуть заработать. Денег у него было и без того немало, однако вся наличность из кассы вряд ли помешает. Кому, спрашивается, помешают тысяч двадцать-тридцать долларов? Сейчас выходило: пожадничал, и напрасно. Исчезнув сразу, он избежал бы этой встречи. Гаенко хорошо знал и этих людей, и тех, кто ими управляет. Шутить с ними было глупо, и Гаенко никогда не шутил, ибо их указания – это указания их руководителя.

– Да ладно, не трясись, – положил ему руку на плечо второй и сделал кислую мину. – Мы по другому поводу. Не знаешь, где Туз, и бог с ним. Но вот где, Игорь, четыре миллиона?

– Какие четыре миллиона? – обмер Гаенко.

Тот, что совсем недавно был с заточкой, приблизился и тоже сел на стол.

– Ты неправильно задал вопрос, – поправил он спутника. – Он тебя просто не понял. Смотри, как нужно: Игорь, где три миллиона девятьсот девяносто пять тысяч восемьсот долларов?

– Джек-пот, что ли?! – воскликнул управляющий.

Оба рассмеялись, причем азартнее хохотал второй гость. Он тыкал управляющего пальцем в грудь и кивал головой.

А потом вдруг резко прекратил смеяться и несколько секунд наблюдал, как успокаивается, вытирая нос, Гаенко.

– Повторить вопрос? – спросил первый, вынимая из вазочки на столе сливу.

– Да вы что? – понимая, к чему сводится тема, прошипел Гаенко. – Я выписал полковнику чек, он свалил с ним. Вы можете проверить по счету в «Комбанке»!

Дробь в коридоре затихла, и управляющему стало совсем тоскливо.

– Вы хотите сказать, что я прикарманил джек-пот?! Почти четыре «лимона» баксов?..

– Мы проверили счет, Игорь, – вынимая изо рта косточку, прогудел первый. Она, описав дугу, упала в урну рядом с заточкой. – Со счета «Эсмеральды» деньги действительно ушли. Но не на счет Крыльникова.

– А я здесь при чем?! – взвился управляющий. – Это дело полковника, на какой счет их переводить!

– Ты не понял, – заметил, подтягивая вазочку к себе, второй. – Точнее, ты все правильно понимаешь, но пытаешься из нас сделать идиотов. Ну, если ты хочешь, я тебе объясню то, что ты можешь объяснить лучше...

Гаенко автоматически отшатнулся, но на этот раз бить его никто не стал.

– Я не могу с уверенностью заявить, что за чек ты выписал Крыльникову, – сказал, усаживаясь поудобнее, любитель слив. – И выписывал ли что-либо вообще. Скорее всего ты ничего не выписывал. Потому что полковник помер в два часа ночи, а чек был реализован в одиннадцать утра следующего дня. И не в «Комбанке», а в его питерском филиале.

– И как это может меня подставлять? – резонно удивился Гаенко. – Если убийца знал, что у полковника чек, и он убивал полковника из-за чека, то нетрудно предположить, что он завладел чеком и обналичил его в питерском филиале...

– Вопрос, – выставив перед собой указательный палец, перебил первый. – Откуда убийца мог знать, что у полковника чек, откуда он мог вообще знать, что джек-пот сорвал Крыльников, если после ухода полковника еще четверть часа никто не выходил на улицу?

Гаенко возмущился непроходимой глупостью гостей. Он смахнул со своего стола мобильный телефон и показал.

– У всех людей есть вот это! По нему можно передавать информацию! Например, позвонить на улицу и сообщить, что выйдет некто, у кого в кармане крупная сумма! Один в казино, второй на улице. Все слышали, как я просил Крыльникова подняться наверх за расчетом. Что вы хотите мне предъявить? – Он засуетился, бегая глазами от одного знакомого к другому. – Что я пообещал Крыльникову деньги завтра, он ушел, а я выписал кому-то чек, по которому этот «кто-то» получил деньги, которые мы с ним впоследствии «раскололи»?

Первый не выдержал и рассмеялся.

– А у меня все язык не поворачивался произнести хоть немного на это похожее! – Сунув в рот еще одну сливу, он вынул косточку и снова бросил ее в урну. На этот раз она ударилась о стену и выскочила на середину офиса. Он расстроился. – Вот именно это и тревожит хозяина. Именно это, Игорьк!

Гаенко оттолкнулся от стола и сверкнул глазами.

– Да пошел ты!..

– Тихо! – вскричал любитель слив. – Закрой рот!.. Где деньги, недоносок?

И Гаенко внезапно успокоился. Провел по лицу ладонью, словно стирая волнение, вынул из пачки, взятой со стола, сигарету и совершенно неожиданно спокойным голосом проговорил:

– Я выписал чек Крыльникову. Тот взял чек и ушел. Что было дальше, меня не касается. Есть расписка в получении.

– Правда? – удивился первый и насмешливо посмотрел на спутника.

По большому счету на эту расписку обоим было наплевать. Не для установления юридического факта они сюда прибыли. Но, поджав губы, стали терпеливо ждать, пока управляющий откроет настенный сейф, замаскированный под репродукцию с картины Шагала. В принципе все было уже решено. Вне зависимости от того, скажет управляющий правду или утаит ее, участь его была заранее предрешена. Не правда ли, было бы удивительным уйти, оставив на пороге труп охранника, а в офисе свидетеля его убийства? Однако если есть расписка, то ее следовало забрать. Это прямое доказательство другого юридически значимого факта – не для них, конечно, для следствия. Если в сейфе убитого Гаенко находится расписка Крыльникова в получении чека на сумму почти в четыре миллиона долларов, то для Генпрокуратуры, которая взялась за дело, это четкое указание на то, что деньги Крыльникову были выданы. И Генпрокуратура, конечно, эти деньги станет искать. И не нужно сомневаться в том, что найдет. А вот это уже, простите, лишнее.

– Ты долго там шуршать будешь? – раздраженно спросил любитель слив, перегоняя косточку во рту.

– Все, нашел, – сказал Гаенко и развернулся.

Удивиться успел только тот, что убил охранника. И лишь потому, что первый выстрел предназначался не ему. С изумлением глядя на латунную гильзу, сверкнувшую в свете люминесцентной лампы, он посмотрел на руку, держащую пистолет. Заметив очередное движение пальца за скобой, он соскочил со стола, но это было все, что он успел сделать.

Рука управляющего, заметившего движение гостя, дрогнула, и вторая пуля, пробив насквозь скулу врага и раскрошив ему челюсть, вонзилась в стену. По полу вновь раздался цокот гильзы.

– А... а... – утробно загудел убийца охранника, вставая на колени и свешивая вниз голову. Нижняя часть ее, блестящая от крови, с торчащими из нее острыми осколками костей, была похожа на днище бочки, из которой выбили пробку. И теперь едко пахнущее бордо, выплескиваясь толчками, разливалось по всему полу на лакированный паркет.

Выйдя из-за стола, Гаенко подошел вплотную к раненому. Прикрывая рукой полу серого пиджака, приставил срез длинного прибора для бесшумной стрельбы к затылку жертвы.

Третий хлопок окончательно заполнил офис сладковатым смрадом сгоревшего пороха, веер брызг ударил в стену, и по флизелиновым обоям поползли потоки густой жижи.

По полу, умиротворяясь, катилась третья гильза.

Гаенко добежал до входной двери, отделяющей крошечное фойе от остальной части казино, перешагнул через труп охранника и защелкнул замок. Потом, стараясь не наступать в три кровавых озера, постепенно сливающихся в одно, вынул из урны заточку и вложил в руку любителя слив. Пистолет свой, так выручивший его несколько минут назад, тщательно вытер и вложил в руку охранника.

Подумал и подтащил своего стража к последнему им убитому. Теперь более правдоподобно. Третий выстрел был в упор, как-никак. В затылок.

А теперь нужно уходить, и делать это по возможности быстро. Прихватив с вешалки куртку, Гаенко чертыхнулся – рукав ее по локоть был испачкан кровью. Пришлось возвращаться к столу и выдергивать из ящика несколько салфеток.

Когда на рукаве кожаного пуховика не осталось и следа крови охранника, Гаенко накинул его на плечи, намотал на шею шарф и только теперь почувствовал, как непослушны руки. Они мешали ему, делали свое дело, не ориентируясь на команды мозга. А быть может, они как раз

в точности и следовали его распоряжениям – выполняли установки, предлагаемые сознанием, мечущимся в клетке страха Гаенко.

Заставив себя успокоиться и расслабить лицо, черты которого были заострены и бледны, как после тяжелой болезни, управляющий улыбнулся, потом еще и повторял это еще несколько раз, чтобы не выйти в зал со страшным оскалом. Все должно быть естественно. И сейчас он сможет улыбнуться легко, не тушуясь.

Он вышел и прикрыл дверь. В уши ударил знакомый перестук автоматических вертушек, цокот шарика по рулетке, команды крупье. Все знакомо и близко по духу. Казалось, он рожден для того, чтобы быть управляющим казино. Однако теперь со всем этим придется проститься.

Спустившись по лестнице, он завернул за угол и подошел к кассе.

– Как дела, Верочка? – спросил, двигая послушными, мило поджатыми губами.

– Все хорошо, Игорь Викторович, – ответила Верочка. – Правда, сегодня меньше, чем вчера.

– Ну-у, – рассмеялся он. – Если у ворот нашего заведения каждый день будут стрелять всех, кто возьмет джек-пот, то скоро мы все останемся без работы. Ладно, присматривай тут. Который час? – Он засуетился и посмотрел на часы. – Тоже мне, «ролекс» называется.

Верочка посмотрела куда-то под стойку:

– Ноль часов сорок восемь минут, Игорь Викторович.

– Нет, – ухмыльнулся тот, – все верно. А у меня такое впечатление, что уже почти утро. Верочка, сними-ка мне кассу...

Сначала она его не поняла. Потом поняла и стала бряцать ручкой сейфа. На то, чтобы принять у нее двадцать девять тысяч долларов и сто шестьдесят три тысячи рублей, ушло минут двадцать. А что делать? Но так даже лучше. Во-первых, Верочка потом обязательно вспомнит, что управляющий никуда не торопился. Во-вторых, двадцать девять тысяч долларов на дороге не валяются. Как и сто шестьдесят «деревянных».

Похлопав ее по руке, он дошел до бара, постоял еще с минуту, давая последние наставления охране, и вышел вон.

Несмотря на то что его тут же окутал двадцатиградусный мороз, Гаенко мгновенно покрылся потом.

Нашел на стоянке свой «Мерседес», забрался внутрь и почти сразу тронул машину с места. Так «убивают» двигатели своих машин неопытные женщины и водители-первогодки. Но управляющему нынче было не до забот о собственном авто. «Убивать» двигатель своего автомобиля, чья мощность превышала триста лошадиных сил, было не так страшно, как убивать двоих, чьих общих усилий не хватило и на одну.

Глава четвертая

Тренировка «Олимпа» подходила к концу. Разбившись на две равноценные команды по велению тренера, футболисты перетащили на себе ворота, поставили их поперек поля, что свидетельствовало о том, что борьба будет на ограниченном пространстве, то есть на каждом участке игрового поля. Одни надели оранжевые майки-накидки, другие – синие. Так легче отличать своего от чужого – не надевать же клубную форму. Прием прост, он пришел из Европы.

– Когда мы гоняли мяч во дворе, одна команда играла в майках, а другая раздевалась по пояс.

– Сверху? – уточнил Кряжин.

Между ним и муровским опером сидел мужчина лет сорока, с сильными руками и в тонких очках, которые нынче носят не по причине слабости зрения, а больше из-за куража. Попробуй, поиграй с таким «слепым».

Его звали Базаян Фрунзик Норикович. Хороший в прошлом футболист, ныне – заместитель председателя Федерального агентства по спорту России. Путь его в спорте прекратился три года назад, когда он закончил играть в Германии за «Вольфсбург», жизнь же его продолжалась и текла ровно и состоятельно. На Рублевском шоссе Фрунзик Норикович отстроил себе особняк, владел несколькими машинами и никогда не скрывал своего достатка. Любого в Москве, кто слышал о футболе, кто играл или кто просто болел у телевизора, знал Базаяна и считал его одним из лучших. Уже давно известно, сколько получает хороший футболист, и не является тайной, что за границей футболист, особенно такого плана, как высокочлассный защитник, зарабатывает во много крат больше. А потому во всей России вряд ли нашелся бы кто-то, кто упрекнул бы Базаяна в излишней роскоши и гордыне.

Человек, бившийся за страну более десятка лет в составе сборной, достоин гораздо большего, чем особняк и автомобили. А гордыня – это не грех известного футболиста. Он всегда тушевался, когда его спрашивали о «Золотой бутсе», полученной из рук президента ФИФА, и редко предавался воспоминаниям о тех матчах, которые Россия выигрывала, а он при этом забивал голы. Его больше волновали те, после которых сборная уходила распятой и униженной. Гордость – да, была. Гордыни – не было. Поговаривали, что ему предлагали правый край в «Милане», но для этого нужно было неправильно расторгнуть контракт с «Вольфсбургом». «Милан» готов был взять на себя все издержки, включая и моральные, однако Базаян предложение отклонил. Мотивировал это, как и всякий хитрый армянин:

– Куда мне в «Милан», старому? Людей только позорить. Я им говорю – ара, у меня «ахиллово» сухожилие на соплях держится, а они – пойдем, заплатим, в Германии вылечим. А зачем мне ехать в Италию, чтобы потом поехать обратно в Германию лечиться?

Сидели, тихо переговариваясь, наблюдая за вялой распасовкой в центре полуполя. Кряжин с Сидельниковым мучились от никотиновой зависимости, страдали невыносимо, однако курить на трибуне крытого стадиона, будучи проведенными туда Базаяном, было бы просто наглостью.

– Я им еще в Бремене говорил, – частил Фрунзик Норикович, – будете вот так на чужой половине сопли выматывать друг у друга – конец. «Вердер» команда серьезная, не нужно смотреть, что она ниже экватора местного чемпионата. У них все контратаки, как выстрел. А с нашей скоростью...

– Да, с контратаками у нас – хоть вешайся... – огорченно подхватил советник. – Фрунзик Норикович, а какой путь проходят деньги, прежде чем они выплачиваются за приобретенного футболиста?

Тот пожал плечами и сунул в рот пластик жвачки. Базаян знал, зачем он в компании следователя Генеральной прокуратуры, роль свою понимал и уже давно настроился на профессорскую волну. Объяснить сложные вещи человеку, который не имеет о процессе даже ориентировочного мнения, задача трудная, а подчас даже невыполнимая. Базаяну давно предлагали молодежную сборную, но он отказывался, ссылаясь на отсутствие педагогического таланта и умение объяснять. Есть люди, которые хорошо понимают то, что им говорят. Однако стоит заставить их повторить вслух только что сказанное, они начинают теряться. Это не тупость, это просто недостаток. Почему бы не иметь недостаток в этом, будучи высококлассным футболистом, вместо того чтобы быть посредственностью на поле, у которой с педагогическим талантом полный порядок?

Это был как раз тот случай. Понимая и зная футбольную профессиональную кухню до мелочей, он всякий раз после вопроса Кряжина задумывался и испытывал такие же танталовы муки, кои испытывали второй час без сигарет капитан МУРа Сидельников и сам советник.

В душе профессионального футболиста жила обида. Ему казалось, что следователь всякий раз задает вопросы неожиданно, словно стараясь подловить Базаяна на нехорошем. Между тем Кряжин терзался в догадках, как спросить, чтобы не ставить зампреда Федерального агентства в затруднительное положение.

– Ну, начнем сначала, – сглотнув слюну, сказал Базаян. – Откуда берутся деньги на покупку мастеров. Во-первых, это бюджет. Мэр или городской совет города, где расположен клуб, могут выделять на нужды клуба деньги. Это же самое может делать и правительство страны. Но цена хорошего футболиста сегодня такая, что подчас она в несколько раз выше тех бюджетных средств, что выделяются клубу в качестве дотационной поддержки. Я пока все понятно объясняю?

Ощущая заботу и волнение Базаяна за исполнение своей ответственной миссии, советник улыбнулся:

– Как по букварю. Даже Сидельников понял.

Муровец не обиделся, вынул из кармана купленное на микрорынке перед стадионом яблоко и с треском вгрызся в него крепкими зубами.

– Ага, – обрадовался Базаян. – Теперь второе. Если клуб будет постоянно ходить с протянутой рукой в мэрию, то он не только не купит новых толковых футболистов, но и потеряет имеющихся. Тому же Анолсо предложат перейти в «Лидс», и он в него перейдет не задумываясь, хотя тот и на грани банкротства. А потому что – реклама. Времена, когда футболисты бегали по полю в майках, на которых был лишь крошечный «трехлистник» «Адидаса», канули в Лету. Теперь поле пестрит так, словно на него выпустили две стаи тропических попугайчиков. По мощи клуба и рекламодатель. Только не нужно думать, что если на майках команды логотип крупнейшей нефтяной компании, то деньги льются в клуб фонтаном. Рекламодатель тоже не дурак и понимает, сколько хватит для того, чтобы одеть команду. Есть спонсоры постоянные, зарекомендовавшие себя. Они, как правило, платят за то, чтобы клубы или сборные играли именно в их форме.

– Но главный источник, как я догадываюсь, не реклама и не бюджет городов, верно? – тактично вмешался, пользуясь паузой, советник.

– Безусловно, нет. Главный источник средств – теневой капитал, проникающий в футбол под разной личиной. Это и спонсорская помощь неизвестных лиц... Иван Дмитриевич, скажите, вы бы хотели быть неизвестным спонсором, если речь идет не о помощи детскому дому или пострадавшим в катастрофе?

– Знаете, Фрунзик Норикович, я больше хотел бы быть объектом помощи неизвестного спонсора, – честно ответил Кряжин. – И даже готов носить в Генеральной прокуратуре майку с логотипом какой-нибудь нефтяной компании. Но мне никто не помогает даже открыто. Кроме вас, разумеется.

– Это потому, что логотипы нефтяных компаний следователи Генеральной прокуратуры должны носить в папках, а не на майках, – остался серьезным Базаян. – Это как в анекдоте. Скажите, где должен настоящий мент носить нож?

– Это по части Сидельникова, – буркнул следователь, который раньше не мог добиться от зампреда связной речи, а теперь не знал, как остановить его.

– В спине, – ответил капитан. – Но это уже не актуально.

– А вот вложение денег в футбол, наоборот, чрезвычайно актуально, – насел Базаян. – Потому что нет лучшего способа отмыть «черный» капитал, кроме как вложив его в игровой вид спорта, пользующийся наибольшей популярностью. Футбол, хоккей, баскетбол. География этих видов широка и глубока. Криминальное вложение средств с отдачей, от которого откажется любой предприниматель, уважающий закон, всегда манит тех, кто изначально расценивает спорт как средство получения большой прибыли. Купля-продажа игроков – это самый яркий пример того, как можно и рыбу съесть, и на санках покататься.

Пытаясь понять, чья защита на поле серьезнее, Кряжин слушал. Перед ним раскрывались подробности тех процессов, о которых он сам догадался, но возможности подтвердить свои догадки до сих пор не имел. Трансформируя пояснения зампреда в более доступные для себя схемы, развивая события так же, как излагал их Базаян, советник превращал их в более понятные для следствия определения.

Возьмем, говорил Базаян, клуб. Мастеровитый, с именем. Такой же, как «Олимп», но только вымышленный. Дабы не обидеть, говорил Базаян, ни одну из команд, выступающих в российском чемпионате. Назовем его «Икс». В клуб стекаются все перечисленные категории денежных средств, включая и спонсорскую помощь, и участие капитала, не имеющего к футболу никакого отношения.

Клуб «Икс» постоянно заканчивает сезон в верхних строчках внутреннего чемпионата, что гарантирует ему право выступления на международных соревнованиях в рамках и под эгидой ФИФА. Это и Лига чемпионов, и Кубок УЕФА. Из-за постоянных проблем в российской школе футбола и застарелых схем работы тренеров российский футбол обречен. В клубах постоянно не хватает мастеров, ценителей тонкого паса, понимающих комбинационную игру и умеющих брать ответственность в матче на себя.

Но вот в клубе «Икс» оказывается восемнадцатилетний мальчик. Оказывается в тот момент, когда до окончания внутреннего чемпионата остается несколько туров, а впереди – чемпионат мира. За пять последних игр российского первенства юное дарование забивает семь мячей из пятнадцати, забитых командой. И моментально попадает в поле зрения не только главного тренера национальной сборной, но менеджеров ряда клубов экстра-класса, чья репутация столь высока, что уже почти не поддается критике. Газеты пестрят громкими предсказаниями судьбы нового российского Стрельцова, сравнивают мальчика с уже снискавшими себе славу именитыми футболистами западных клубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.